

ЗЫБЬ

1-2002

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НОВОЗЫБКОВ - РУБЕЖ ВЕКОВ

ИМЕНА, СОБЫТИЯ, МНЕНИЯ

Современное литературное творчество новозыбковских поэтов и прозаиков представлено целым рядом авторов, многие из которых уже хорошо известны почитателям художественного слова. Реально обозначился в последнее время подъем литературной жизни в городе. После некоторого застоя, вызванного уходом с местного литературного горизонта многих авторов, определявших творческое лицо Новозыбкова 70-х – 80-х годов и связанного с известными событиями 1986 года, нынешний всплеск активности вызван как появлением новых имен, так и ростом издательской и культурно-просветительской деятельности. Это, в свою очередь, стало предпосылкой перехода к иным формам литературной общественной работы.

Традиционные творческие группы при редакциях районных газет, представителем которых в Новозыбкове долгое время являлось литературное объединение «Колос» при газете «Маяк», оказались в начале 90-х в основном на обочине культурной жизни, так как создавались и нужны были для руководства и контроля на местах за такой «ненадежной» прослойкой общества, как творческая интеллигенция. Попытка возродить группу после ликвидации партийной цензуры под новым названием «Автограф» успеха уже не имела, да и не нашлось достаточно авторитетного организатора из сотрудников газеты, способного взять на себя эту трудную ношу. Довольно долго литературную часть полос тогда еще единственного местного периодического издания курировал ответственный секретарь В. Влащенко, но это было уже заочное руководство, ибо, как говорилось выше, бывшее объединение, которое возглавлял ветеран нашей журналистики А. Эпштейн, распалось.

В настоящее время ежемесячная литературная страница «Маяка», над выпуском которой трудится сотрудник газеты Т. Пожиленкова, представляет уже самые широкие слои литературной общественности, хотя и является по-прежнему основным и традиционно наиболее престижным «рупором» наших любителей «изящной словесности».

Была попытка выпуска литературных подборок на страницах межрайонной газеты «Юго-Запад», начавшей издаваться в городе в 1993 году, куда были приглашены журналистами публиковавшиеся местные поэты П. Прагин и А. Колмаков. Однако это издание просуществовало совсем недолго.

Познакомиться с произведениями местных авторов регулярно предлагала своим читателям и многотиражка «Станкостроитель», издаваемая на Новозыбковском станкозаводе, в чем, безусловно, была заслуга ее редактора Л. Шпаковой.

Появление в Новозыбкове несколько лет назад новой газеты «Вечерний Новозыбков» поставило задачу перед ее редакцией: привлечь на свои страницы и местных литераторов. Первыми, кто откликнулся на приглашение, стали поэты и прозаики, объединившиеся под эгидой клуба культурных инициатив «Зыбчане» и подготовившие в 1998 году в «Вечерке» несколько «Литературных страниц». Нужно сказать, что это новое общественное творческое образование, появившееся в 1995 году и заполнившее в какой-то мере вакуум после распада «Колоса», к тому же более

свободное в выборе форм и методов работы, уже выходило перед этим на страницы «Маяка». Выпустило оно позже и несколько номеров собственной многотиражной газеты с литературными подборками своих авторов. В нем объединились многие из тех, кто прошел школу «Колоса»: Алексей Краевой, Валентина Басова (нынешний руководитель литсекции), Май Владимирский (Е. Свистов), Михаил Воликов, Александр Колмаков. Публиковались с ними уже отметившиеся к тому времени на страницах «Автографа» Вячеслав Корыtko и Дмитрий Толкач, а также уверенно заявивший себя представителем новой волны молодежной поэзии Владимир Кухаришин. Вскоре появились среди «зыбчан» и другие молодые имена – Артур Вагабов, Мария Мухина, Вадим Фельдман, Сергей Чувин. Чуть позже в число членов литературной секции клуба влились и по-новому раскрыли здесь себя Надежда Щипакина, Валентина Анатольева (В. Быкова), Антонина Радченко, другие, ранее редко публиковавшиеся авторы.

Хорошо известные у нас литераторы А. Вольный (А. Эпштейн), Г. Писаревский, В. Филонов, В. Петроценко поддерживают своим участием работу наших очных и заочных творческих групп, оставаясь все же в силу своего возраста, опыта и авторитета на том уровне самодостаточности, который не позволяет им слишком увлекаться новыми веяниями в общественной культурной деятельности. Первый из них уже в последние годы выпустил ряд книг своих воспоминаний «Через годы, через расстояния», «Глазами старожила», «Пережитое», где немало места удалено литературной жизни города, истории создания и деятельности «Колоса».

Продолжают публиковаться на поэтических страницах давние друзья поэзии старшего поколения Борис Юдин, Афанасий Цыбульский, Нина Руденок, Владимир Короченков, М. Макарова, М. Красовская-Стрижак, А. Макаренков. Довольно заметны периодические публикации Маргариты Бальзарайтене (Т. Семкиной).

Из новых лиц, появившихся на горизонте литературной жизни сравнительно недавно, также значительную прослойку составляют женские имена: Т. Жарина, Т. Пожиленкова, Т. Рябова, Н. Лия, Л. Федорова. Значительно у нас и число поэтов и прозаиков, промелькнувших на страницах наших газет совсем небольшим числом произведений. Надеемся, что кое-кто из них займет в дальнейшем свое место на небосклоне литературы, рожденной на новозыбковской земле.

Отметились на листранице «Маяка» публикациями своих первых стихов и самые юные – члены поэтического клуба гимназии «Пегас», руководит которым Н. Щипакина.

Начинает заявлять о себе и образованное недавно литературное объединение «Родник», в которое вошли не только новые участники, но и перешла часть «зыбчан». Однако говорить о нем как о сформировавшемся союзе пока рано.

Появившаяся два года назад «Литературная страница» еженедельника «Новозыбковские вести», сменившего «Вечерний Новозыбков», также готовившаяся клубом «Зыбчане», породив в свое время из-за противостояния местных газет

А.Г. Эпштейн

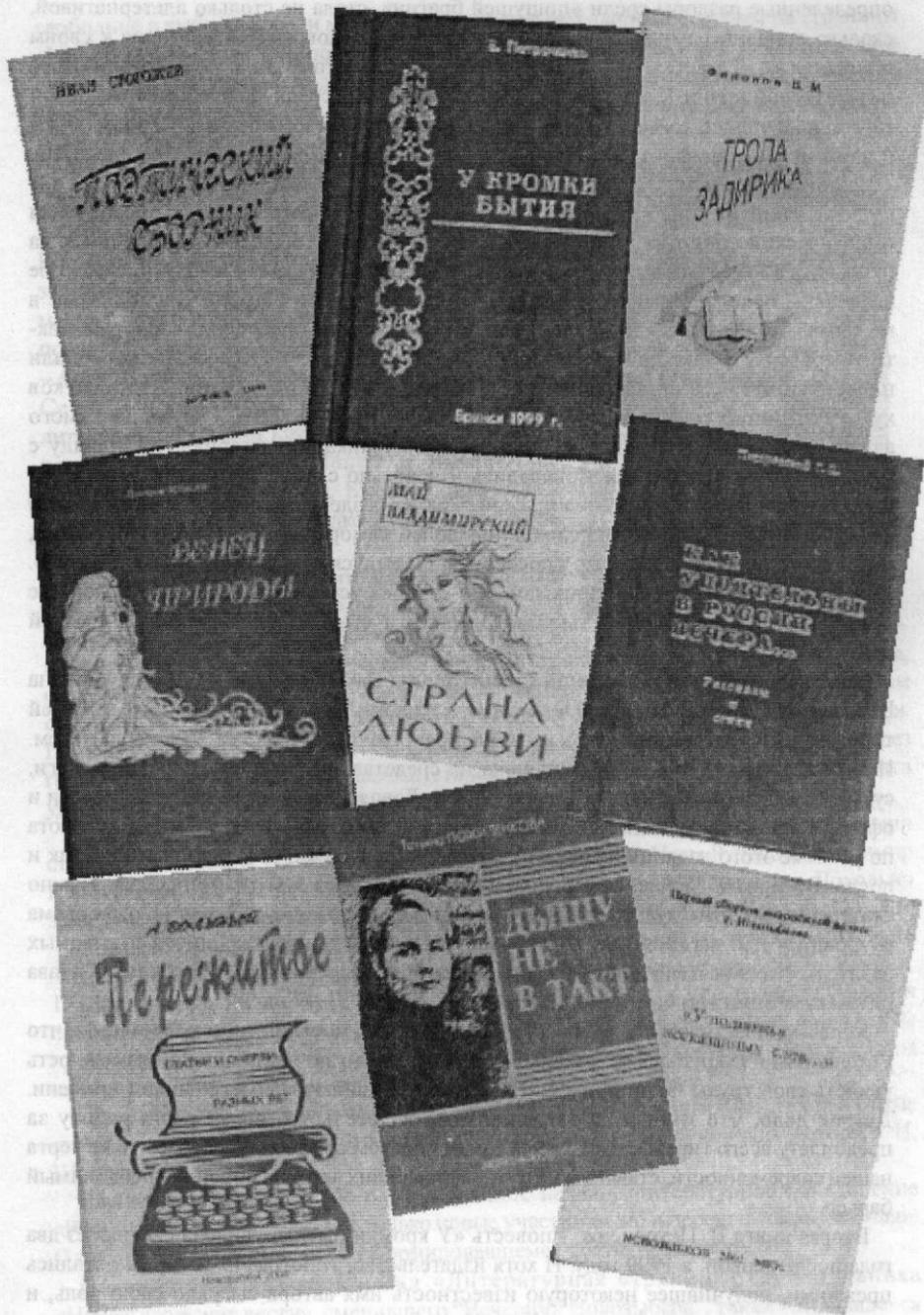
определенные раздоры среди «пишущей братии», стала не столько альтернативой, сколько дополнительным средством выхода новозыбковских литераторов к своим почитателям. Думается, что ее появление сыграло к тому же и роль катализатора литературной жизни. К сожалению, в настоящее время среди членов редакции новой газеты не нашлось по-настоящему увлеченного этим делом сотрудника, да и объем издания и его специфика пока не позволяют регулярно выходить литстранице «НВ».

Одной из важных сторон проявления творческой активности стал выпуск книг произведений местных авторов. Первой ласточкой нового времени обозначился «Поэтический сборник» ныне уже покойного Ивана Сторожева, появившийся на прилавках в 1996 году, а также последовавшая за ним книжка его воспоминаний (обе выпущены брянским издательством «Границы» на средства автора). Воспринятый в местных литературных и журналистских кругах довольно прохладно, «Сборник» как-то затерялся в потоке других событий. О нем не говорили в прессе, не проводили презентаций. Конечно, помимо полиграфических недочетов, недостатков художественного содержания было еще больше. Прежде всего, - неумение самого автора критически оценить отобранный для публикации материал, где наряду с хорошими стихотворениями попадались и довольно слабые. К тому же многие из них - с навязчивой идеейной подоплекой. Сработал здесь и фактор непрестижности самиздата, пронизанного определенной долей саморекламы. Но, тем не менее, подобное издание дало импульс к последующим выпускам наших «первопечатников». И теперь, с высоты прошедших лет, мы уже без усмешек и эмоций, а скорее с пониманием и благосклонностью смотрим на эти, ставшие уже библиографической редкостью труды.

Заметным явлением культурной жизни города стало появление в 1997 году романа Владимира Петроchenko «Расследование методом «Икс», отпечатанного в нашей типографии и подготовленного к изданию Брянским педагогическим университетом. И хотя эта книга тоже была выпущена на средства автора и спонсорские деньги, судьба к ней оказалась более благосклонной. Довольно неплохое качество печати и оформления привлекли к ней внимание. К тому же сказалась и предварительная работа по рекламе этого издания в средствах массовой информации как до выпуска, так и после. Во всяком случае, ее тысячный тираж довольно быстро разошелся. Нужно сказать, что до этого художественные произведения местных авторов такого объема и уровня у нас в городе не издавались. Если и были печатавшиеся в крупных издательствах писатели и поэты, как, например, А. Жаренов или В. Рычин, то права издававать самим свои книги они не имели.

Конечно, престижность Брянского издательства и местной типографии не та, что у столичных или крупных региональных, однако то, что авторы получили возможность увидеть свои труды не по прихоти Главлит, - ярчайшая примета нашего времени. Другое дело, что многие провинциальные издательства ведут свою работу за предоплату всего тиража, избавляясь таким образом от забот по сбыту, - тоже черта нашей современности, ставящая на пути начинающих авторов порой непреодолимый барьер.

Вторая книга В. Петроchenko - повесть «У кромки бытия» увидела свет через два года после первой, в 1999 году. И хотя издательство, типография и тираж остались прежними, получившее некоторую известность имя автора сыграло свою роль, и новое издание исчезло с прилавков еще быстрее.

И, наконец, совсем недавно, уже в этом году, читатели смогли познакомиться и с третьей его книгой, романом «Черная дыра», являющейся в какой-то мере продолжением предыдущей.

Пока говорить о художественных достоинствах этих книг, уровне писательского таланта и глубине затронутых тем еще, возможно, не пришло время. Однако сам факт появления в городе прозаика, способного взяться за литературные труды такого масштаба, достойно самой высокой оценки как одно из наиболее значительных событий литературной жизни Новозыбкова последних лет.

Продолжился и выпуск заботами авторов стихотворных сборников. В 1998 году появилась первая книжка произведений поэта Мая Владимира (Е. Свистова) «Страна любви». В него вошли более 30 лирических стихотворений и одна поэма. Конечно, в издании чувствуется отсутствие руки опытного редактора-полиграфиста, и оно вышло не до конца продуманным, что проявилось и в названии, с претензией на масштабность содержания, и в оформлении, и в подобострастных благодарностях, рассыпаемых с первых страниц ее спонсору, что, по-видимому, является пока отличительной чертой начинающих печататься наших поэтов и прозаиков. Однако уже то, что автор не стал валить в одну кучу все, что создал, а провел определенный отбор, уложившись в отведенный ему объем, достойно похвалы. Да и соскучившиеся по хорошей лирике почитатели местного литературного бомонда довольно благосклонно восприняли выход этого сборника, устроив несколько презентаций в молодежных коллективах наших учебных заведений. К сожалению, небольшой тираж (400 экз.) не позволил говорить о широком знакомстве с творчеством этого поэта не только за пределами города, но и среди многих местных любителей литературы.

Определенно замеченым в литературных кругах событием стал выпуск в прошлом году первого сборника еще одного нашего лирического поэта - Дмитрия Толкача. Приуроченный к 25-летию завода, на котором автор проработал со дня основания, выпуск так и был им по-производственному назван: «Завод «Индуктор» – плоть моя». Конечно, приятно, что заботы по изданию книги стихов взяло на себя его родное предприятие, которое он отблагодарил таким претенциозным, если не сказать более, названием, не имеющим, впрочем, почти ничего общего с основным лирическим содержанием. Но это снова та же потеря чувства меры и провинциальный пыл «суеты под клиентом», платящим деньги. И опять нужно констатировать, что малый тираж, к тому же распространенный сугубо по отдельной разнарядке, способен лишь удовлетворить авторское самолюбие, но никак ни любителей литературы, ради которых и издаются книги. И очень жаль, что и второй сборник Д. Толкача, оказался не свободным от тех же недостатков. Недавно выпущенная еще одна книжка его произведений «Тебе...», более объемная и лучше оформленная все же позволяет надеяться, что автор начинает понимать несовместимость производственных и литературных задач. Что же касается самих стихов, то многие из них довольно широко известны, отличаются тонкой лиричностью, высоким стилем, и очень хорошо, что впервые вместо разрозненных публикаций можно целенаправленно обозреть творчество этого неординарного поэта.

Вообще же у нас при издании первых сборников сказывается не только отсутствие опыта и та поспешность, в которой главное – издать, а там «хоть трава не расти», но и отсутствие в городе достаточно компетентной литературной критики. И не столько

указующей на недостатки, сколько стремящейся помочь нашим авторам выйти на тот уровень подготовки издания, за который не будет стыдно перед довольно искушенным читателем, воспитанном на литературе высокого уровня.

В нынешнем году оказалось отмеченным отдельной книгой творчество еще одного нашего литератора – Григория Писаревского. Его сборник рассказов и стихов под названием «Как упоительны в России вечера», выпущенный уже традиционно издательством Брянского университета, стал хорошим подарком любителям литературы. Наверное, никто другой не заслужил подобного издания, как Григорий Иосифович. Вошедший в нашу литературу в сравнительно зрелом возрасте, он, участник войны, ветеран труда, долгое время возглавлявший ряд наших промышленных предприятий, входивший в местную партийно-номенклатурную элиту и отмеченный званием Почетного гражданина города, тем не менее, получил известность и как интересный прозаик, тонкой духовной организации поэт. С большинством произведений этого автора внимательный читатель уже знаком, так как почти все его литературные труды уже публиковались на страницах наших газет. Здесь есть и отрывки из его еще неопубликованной повести «Я был с ними», очередь знакомства с которой в отдельном издании, будем надеяться, скоро придет.

Среди новинок первого года нового века есть и необычное издание, выпущенное тиражом всего 100 экземпляров. Необычно оно прежде всего тем, что издано и напечатано нашей центральной библиотекой. Это сборник сатирических произведений Виктора Филонова, названный им «Тропа задирика». Он стал не только первой книжкой нашего популярного поэта-сатирика, но и примером профессионального подхода к своему творчеству. И название, и стиль, и подбор произведений – все сделано на самом хорошем уровне, чему можно и нужно учиться многим нашим поэтам и издателям. Кстати, сам Виктор Михайлович помимо художественного стихосложения подвизается и на литературно-критической ниве, являясь автором нескольких заметок, посвященных творчеству местных поэтов.

Коллективного представления за эти годы удостоились наши литераторы и в нескольких книжных изданиях, посвященных Новозыбкову, автором которых был хорошо известный у нас краевед С. К. Лузик. Одно из них - «Здравствуй, Новозыбков» вышло в 1994 году, второе – «Родной Новозыбков» - четыре года спустя. В них, а также в еще одной его книге - «Судьбы женские» (1996г.), поэзии местных авторов были посвящены отдельные главы, что, несомненно, явилось признанием значимости

В.М. Филонов принимает поздравления от «зыбчан»

нашей литературы нового времени в жизни города. Публиковались стихи новозыбковских авторов в краеведческом сборнике клуба «Зыбчане» «Над Карной». В капитальном издании, вышедшем в год юбилея, «Новозыбков. Историко-краеведческий очерк», выпущенном нашим музеем и группой авторов, дан краткий обзор литературной жизни города, в том числе и последних лет.

Готов был к публикации и сборник молодежной поэзии Новозыбкова, подготовленный группой молодых поэтов, студентов филиала БГУ. С его пробными экземплярами уже успели познакомиться наиболее активные почитатели поэтического слова. Конечно, ни о какой полиграфии говорить не приходится, однако эти «черновики» вполне можно со временем издать и гораздо большим тиражом, на что мы надеемся, отыщутся и спонсоры. Здесь хотелось бы отметить роль коллектива новозыбковской типографии и ее директора С. А. Попкову, как активных популяризаторов местной литературы, оказывающих существенную помощь в издании произведений наших авторов, содействующих достойному их полиграфическому оформлению. Вот и совсем недавно они порадовали нас новинкой – первым сборником стихов молодой поэтессы Татьяны Пожиленковой «Дышу не в тakt», ставшем хорошим подарком нашим любителям поэзии в канун нового 2003 года.

Из книг, изданных за пределами области, безусловно, нужно отметить выпущенный московским издательством «Советский писатель» сборник пословиц и поговорок бывшего преподавателя НГПИ В. Анисимова под названием «Мудрое народное слово», ставший итогом его многолетнего труда по сбору и литературному обобщению этих шедевров устного народного творчества. Известен Василий Иванович и серией своих публикаций в местной периодической печати, посвященных русским писателям.

**Вручение В.И. Анисимову общественной премии
«Серебряный колокольчик». Апрель 2002 г.**

Особую часть культурной жизни города составляет знакомство с творчеством литераторов-земляков, многие из которых регулярно посещают Новозыбков, с которым связана часть их биографии. Наряду с местными авторами постоянно публикуются на страницах городских периодических изданий произведения москвичей Анатолия Воробьева, Евгения Мосягина, Николая Иващенко, Александра Литвинова, самарского поэта Ефима Хазанова, ставших гражданами Белоруссии Василия Шабалтаса и Ивана Бисева, живущего под Брянском Александра Колмакова, трубчанина Павла Прагина, унечца Александра Сазонова. Некоторые из них неоднократно проводили творческие встречи с новозыбковцами, привозили свои новые книги, знакомили с еще не опубликованными произведениями.

Нашему земляку, писателю и поэту, автору текстов популярных песен 60-70-х годов Льву Куклину посвящена недавно открывшаяся экспозиция в краеведческом музее. По-прежнему связаны в нашей памяти с Новозыбковом такие известные имена как Виктор Губарев, Артем Маневич, Григорий Куренев, Анатолий Жаренов, Илья Швец, Владимир Рыбчин.

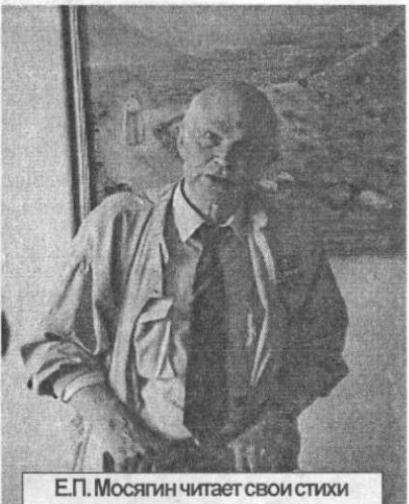
Пополняется наше краеведение открытием как забытых, так и новых литературных имен. Среди них старообрядческий писатель Федор Мельников и наш современник Владимир Мегре. Оба родились и жили в Новозыбкове.

Среди недавно ушедших из жизни новозыбковцев безусловно был отмечен талантом прозаика Валентин Меркулов, многочисленные публикации которого на страницах «Колоса» и «Автографа» хорошо известны любителям художественного слова.

Весьма отрадно, что нашу местную литературу увидели и услышали те, кто призван воспитывать и развивать почитание духовности через искусство слова. Городская библиотека - подразделение отдела культуры - организовала выставку книг и публикаций периодической печати произведений поэтов из Новозыбкова, составив и отпечатав, правда в одном экземпляре, подборки стихов еще не отмеченных сборниками местных литераторов, с которыми теперь могут познакомиться читатели. Здесь с недавнего времени стали проводиться встречи с поэтами, презентации их произведений.

Возрожденный районным отделом культуры в этом году «Праздник поэзии» в селе Белый Колодец, посвященный известному поэту, нашему земляку Илье Швецу, собрал пока еще небольшую аудиторию. Однако в будущем обещает стать заметным событием на литературной карте не только новозыбковщины, но и области.

Появившийся в 1999 году по инициативе клуба «Зыбчане» новозыбковский общественный конкурс и премия «Серебряный колокольчик» за вклад в культуру и достижения в искусстве, уже четыре раза называл своих лауреатов в области

Е.П. Мосягин читает свои стихи
в клубе «Зыбчане». 1998 г.

литературы. Ими становились М. Владимирский (1999г.), Г. Писаревский (2000г.), В.Филонов (2001г.), В. Петроценко (2002г.). Получали его дипломы и другие литераторы. Н. Щипакина и В. Басова – за организацию мероприятий и руководство творческими коллективами, В. Анатольева и М.Воликов – за журналистские публикации, ветераны А. Эпштейн и В. Анисимов – за многолетнюю деятельность в области культуры.

Правда, в городе до сих пор нет массового издания, в котором его жители могли бы познакомиться с антологией новозыбковской литературы, биографиями наших поэтов и прозаиков, анализом их творчества. Не нашлось в бюджете города и средств на издание сборника стихов и прозы наших литераторов, хотя он и входил в план юбилейных мероприятий к 300-летию Новозыбкова. Да и наше литературное краеведение, по-видимому, еще не достигло того уровня, чтобы объективно и непредвзято судить о достижениях и недостатках поэзии и прозы, созданной у нас в городе. Нынешний уровень когда-то имевшей неплохие традиции новозыбковской литературы, все же еще отстает от достижений таких признанных областных литературных центров, как Трубчевск, Карабев, Дятьково, не говоря уже о Брянске.

Конечно, роковую роль сыграл в этом отъезд более двух десятилетий назад нашего оплота культуры – педагогического института. Когда-то в его среде формировалась значительная творческая прослойка, а роль наставников и литературоведов брали на себя преподаватели филологического факультета НГПИ, издававшие критические и научно-исследовательские материалы, в том числе о стихах и прозе местных авторов. В стенах нашего ВУЗа училось много ставших впоследствии известных не только на Брянщине литераторов, здесь выходил машинописный литературный журнал. Может быть, его преемники – преподаватели-филологи филиала БГУ и педагогического колледжа помогут своим авторитетом местной литературе стать на крыло. В значительной мере именно тот задел, который оставил после себя пединститут, и позволяет нашему городу более или менее держаться на плаву областной литературной жизни, выдвинув по-прежнему из своих рядов достойные имена.

Попытка осмыслиения пути, пройденного нашей художественной литературой, – задача не из легких, и осветить ее в рамках обзорной статьи, тем более за совсем немалый промежуток времени, к тому же на краю переломе истории, богатом на события общественной и культурной жизни, и вовсе затруднительно. Как и в любой творческой деятельности, истинная оценка созданного может даваться только на фоне общих достижений, к тому же пропущенных через сите многих и многих авторитетных мнений, зачастую по прошествии значительного числа лет. Возникает и опасность упустить часть событий и имен, сыгравших не последнюю роль в нашем литературном краеведении.

И все же исследование такой не поддающейся номенклатурному анализу стороны общественно-культурной жизни, как художественная литература, лумается, будет происходить все чаще. Тем более необходимость в подобной работе все более ощущается как в среде наших литераторов, так и у многочисленных любителей литературы, ищущих путеводный компас в лабиринте разрастающегося сонма местных художественных изданий. Впереди более глубокая и серьезная оценка достоинств всего созданного нашими прозаиками и поэтами, что, будем надеяться, станет фактором укрепления и дальнейшего становления местной литературы, появления новых талантливых произведений.

ПАРАДОКС

(К 80-летию со дня рождения А. А. Жаренова)

Нам, помешанным на детективах, коими заполнены книжные полки магазинов, фамилия Жаренов, увы, мало что говорит. А ведь книги Анатолия Александровича – даже с поправкой на время – ничуть не уступают по «закрутке» сюжета нынешним детективным опусам. Но интрига для него далеко не самое главное. Он умеет выписывать характеры, его герой не ходячие схемы. Глубок по сути научно-фантастический роман «Парадокс великого Пта». Отчуждение человеческой наследственной памяти от рода людского, использование ее в качестве всеуничижающего оружия – вот что тревожит писателя.

...Он родился в 1922-м в древнем Угличе. В семидесят первом перебрался из Липецка в Новозыбков, который довелось освобождать в сорок третьем. Его жена Софья Иосифовна была родом из злынковской старообрядческой семьи. Жил тихо. Как-то предложили баллотироваться в депутаты – отказался. Чем навлек на себя гнев «чинов». Ему было не до мельтешения на всяческих политлитературных тусовках. Он был пахарем. За столом.

К тому времени на Дальнем Востоке (был корреспондентом газеты в Хабаровске) вышла книжка рассказов «Конец сказки». Воронежский журнал «Подъем» опубликовал первый роман – «Яблоко Немезиды». Вскоре в Москве вышел роман «Парадокс великого Пта». Затем были повести «Частный случай» и «Обратная теорема», которые высоко оценила критика. Вышло немецкое издание «Парадокса...». В Новозыбкове Жаренов работал над романами «Скандал в антипространстве», «Доказательство от противного» и над сборником юмористических рассказов... Однако досписать их не успел.

Большинство своих произведений Анатолий Александрович напечатанными не увидел. Перед новым 1976-м он скончался от инфаркта в поезде, возвращаясь из Москвы. Как уже после я узнал, в каком-то издательстве или журнале потеряли жареновскую рукопись... Такой вот подарочек к новогодию.

И вот – как прорвало. 1976: журнал «Смена» в нескольких номерах печатает повесть «Фамильная реликвия». 1977: в той же «Смене» вышла повесть «Выстрел из прошлого», в издательстве «Молодая гвардия» – сборник «Кладоискатели». Печатался в «связке» с самим В. Астафьевым – в «Подвиге». По его «Фамильной реликвии» снят фильм. Недавно, 30 августа, ему исполнилось бы восемьдесят.

...Любил читать книги (чужие! – что делает не всякий писатель). Когда вырывались с женой в Москву, бегали по театрам, ходили в консерваторию. Мечтал купить в деревне домик. Тогда это было табу. Пытался развести клубнику – ничего не получилось... С прозой жизни у талантливого прозаика не ладилось.

Рождения, Погосты.
Компостер лет гремит.
Все правильно, все просто.
И тут не до обид.
Все так обыкновенно
И – злыши или не злыши –
Есть парадокс мгновенный
С названием кратким:
Жизнь.

А. А. Жаренов

И. А. Швец

Освящение криницы на празднике поэзии
в Белом Колодце. 2002 г.

Владимир ИЛЬИН

СЛОВО О ПОЭТЕ

(К 85-летию со дня рождения И.А. Швеца)

Вот уже более десяти лет нет среди нас поэта Ильи Швеца. Эти годы, ознаменованные в истории России глубоким реформаторским подходом к вопросу государственного устройства, как известно, способствовали утрачиванию национальных культурных ценностей.

Илья Швец как поэт чувствовал это и в последнем своем сборнике стихов писал:

Только время дефицитно в мире,
И ведет кукушка счет годам.
Потому, что все мы – пассажиры,
И что всем сойти придется нам...
Я хотел, чтоб тот, кто дальше едет
Глядя в мир, мелькающий в окне,
Как о бывшем, неплохом соседе
С теплотою вспомнил обо мне.

Это глубокое по своей философии и поэтике стихотворение, характеризует не только ощущение времени, но и временности всего сущего.

Поэтическая почва, на которой возрос талант поэта, – деревня, где само пространство природы, сельского простора сформировали в нем мировоззренческую первооснову нравственного бытия, которая оставалась с ним на протяжении всей его жизни. Поэтому движение Ильи Швеца от стихотворчества к поэзии – это путь духовного роста человека русской земли, русской деревни второй половины 20-го века, советского периода в истории России. А последующее изучение его творчества и его жизни для многих из нас может стать не только отражением души русского человека, но и уроками истории.

Свой последний поэтический сборник, вышедший после тринадцатилетнего перерыва в 1990 году, за два года до смерти поэта, Илья Швец назвал «Вечерняя дорога». Чем же ознаменовался этот период в жизни поэта? А тем, что поэт Илья Швец посмел быть смелым не только в мыслях своих, но и в делах, – написав сатирический роман «Беглецы», «приподняв словесную завесу, прикрывающую неблаговидные поступки власти» (В. Парыгин).

Нам всем еще предстоит осознать то, что уже тогда понимал Илья Швец. Необходимо издать собрание его сочинений, включив туда не опубликованное поэтом, тем самым создав книгу его памяти. Ведь мы так часто не жалеем слов на торжествах, а вот на дела духовные скопость наша безгранична. И слава Богу, что имя Ильи Швеца нами еще пока не забыто хотя бы в дни его юбилеев, о которых он говорил:

Мне все труднее и труднее
Быть с молодыми молодым.
Виски белены юбилеем
Уже не первым, не вторым.

Выставка книг И. Швеца
на «Празднике поэзии»

ПАМЯТНОЕ ИМЯ - «КОЛОС»

Сорок лет назад, летом 1962 года, в межрайонной газете «Маяк» появилось такое объявление:

22 июня в 12 часов дня
В ПОМЕЩЕНИИ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «МАЯК»

состоится

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ
В работе собрания примет участие член Союза писателей СССР

И. А. Швец.

Приглашаются все начинающие авторы, проживающие в районах Новозыбковского
территориального производственного колхозно-сельхозного управления.

Именно тогда начался путь литературной группы «Колос», просуществовавшей без малого тридцать лет. И хотя она продолжала дела своих предшественников 30-х, 40-х, 50-х годов, все же как самостоятельное объединение оставила свой, весьма значимый след в нашем литературном краеведении. Многие нынешние авторы, несмотря на то, что литгруппы с таким названием давно не существует, до сих пор гордятся своим участием в ней – ведь других возможностей печататься в единственной газете, как через объединение собратьев по перу, тогда просто не было.

Но, ничто на земле не проходит бесследно, и зерна «Колоса» дали теперь новые всходы. Отмечая эту дату, мы публикуем материалы из газет той поры, а также отрывок из книги воспоминаний ее бессменного руководителя А. Г. Эпштейна (см. стр. 76).

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Пятница, 22 июня 1962 года – важная дата в литературной жизни нашей зоны. В этот день состоялось первое организационное собрание литературной группы при редакции газеты «Маяк», которая призвана объединить поэтов, прозаиков и драматургов, проживающих в Новозыбковском, Клинцовском, Климовском, Гордеевском и Красногорском районах. Редактор газеты «Маяк» М. И. Попков ознакомил участников собрания с работой редакции и обратился к ним с призывом своим произведениями активно участвовать в борьбе за выполнение задач, намеченных мартовским Планом ЦК КПСС.

Затем развернулся разговор о задачах и планах литературной группы. Было отмечено, что члены ее должны создавать высококлассные и высокохудожественные произведения, широко отражающие многообразие советской жизни, то, как преображаются в жизнь решения XXII съезда партии.

Выступили член Союза писателей СССР И. Швец, И. Пасканый (Клинцовский район), В. Тарабанов (Климовский район), В. Чигиринов (Клинцовский район), сотрудники газеты «Маяк» А. Шкарабо и А. Эпштейн, инструктор Брянского обкома КПСС П. Соколов.

Решено литературной группе присвоить название «Колос». Руководителем литературной группы избран А. Эпштейн – ответственный секретарь газеты «Маяк». Утверждены руководители секций прозы – А. Шкарабо, поэзии – А. Сазонов.

Творческое литературное объединение нашей зоны организационно оформлено. В добный путь, товарищи!

(Газета «Маяк» от 24.06. 1962 года.)

О НАШИХ АВТОРАХ

Представленные в этом выпуске поэты и прозаики давно публикуются на страницах местных периодических изданий. Объединяет их, в первую очередь, принадлежность к клубу «Зыбчане», членами которого большинство из них являются. Такое соседство по формальному признаку вовсе не предполагает какую-то унификацию творчества. Каждый из представленных здесь авторов имеет свое неповторимое литературное лицо, своих почитателей и любимые темы. Попытаться показать у каждого главное и наиболее характерное и ставится целью этой подборки, хотя, наверное, творчество, как ипостась человеческой деятельности - вещь неисчерпаемая. Поэтому и эти публикации лишь начало широкого знакомства с нашими художниками слова, которых сегодня на страницах первого номера двенадцать человек.

Конечно, хотелось бы представить нашу местную литературу и творчество земляков более широко, однако, как ограниченность объема издания, так и его направленность и специфика, а именно, охват не только литературного, но и изобразительного творчества, накладывает определенные ограничения на наши страницы поэзии и прозы. Журнальная же заполняемость материалом требует еще и иллюстративности, интересной подачи информации, рекламы с целью привлечения внимания широкого круга читателей, а это зачастую входит в противоречие с чисто литературно-художественными запросами. Остается надеяться, что в будущих выпусках нам удастся расширить число и улучшить уровень наших литературных презентаций

В. Басова

М. Воликов

М. Владимирский

Л. Федорова

А. Колмаков

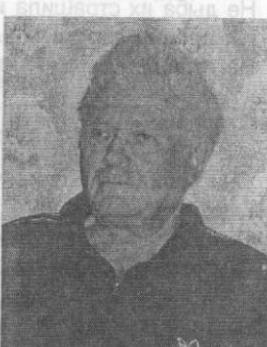
Е. Мосягин

В. Петренко

А. Радченко

Г. Писаревский

Н. Щипакина

А. Вагабов

В. Корытко

Евгений МОСЯГИН

Евгений Потапович Мосягин родился в Новозыбкове. Участник Великой Отечественной войны. Живет в Москве. Пишет стихи и прозу. Известен публикациями в центральных периодических изданиях. Поддерживает творческие связи с родным городом, сотрудничает с клубом «Зыбчане». Со многими его литературными трудами и мемуарами хорошо знакомы новозыбковские читатели. Готовит к изданию книгу повестей и рассказов, сборник стихотворений.

ТАК НАЧИНАЛСЯ ГОРОД НОВОЗЫБКОВ

Храня обычай древней старины
И строгий чин церковного обряда,
Они бежали с дальней стороны,
Спасая веру старого уклада.

Не дыба их страшила и не кнут,
Ни прочие карательные меры,
Не страшен был им грозный
царский суд -
Страшна была утрата старой веры.

Они селились в сумрачных местах
Глухого и нехоженого края
И жили там в молитвах и трудах,
Греховные соблазны отвергая.

Когда ж пришла на родину беда,
Забыли предки царские гоненья
И, не чураясь ратного труда,
Со всей Россией двинулись
в сраженье.

За веру и за родину свою
Они ломали вражью силу шведа,
Чтоб осенила в праведном бою
Знамена государевы победа.

Великий Петр раскольников
простил,
Пожаловал им земли и гражданство.
И предки наши, не жалея сил,
В мирском труде являя постоянство.

За плотницкие взялись топоры.
В урочище лесном, глухом и зыбком
Рубили избы, ставили дворы -
Так начинался город Новозыбков.

* * *

Зайди ко мне, попутчик мой
случайный,
Мы посидим, покурим в тишине,
Поговорим, согреем старый чайник
И концентраты сварим на огне.

Как говорится, мы, брат, из пехоты,
И будет дело на войне для нас,
Когда перед повзводным строем
роты
Нам объявляют боевой приказ.

Мы знаем цену хлебу и патронам,
Нас научила этому война.
У рядовых стрелковых батальонов
Один Устав и Родина одна.

Не будет нам ни славы, ни почета,
А до Победы кто из нас дойдет?
Несет потери на войне пехота -
Потеря姆 тем никто не знает счет.

В землянке спят солдаты после боя,
Мерцают в пильзе слабый фитилек.
Мы разопьем, как водится, с тобою
Наркомовских сто грамм на посошок.

А в котелке поспели концентраты
Из комбижира, соли и пшена, -
Казенное питание солдата,
Сухой паек, что выдал старшина.

ПИСЬМО С ФРОНТА

На окне ледяные узоры
Голубым загорятся огнем,
Свет луны, проникая сквозь шторы,
Упадет на твой коврик пятном.

В этот зимний заснеженный вечер,
Без подруг и друзей в тишине
Вспомни ты наши прошлые встречи
И немного взгрустни обо мне.

Вспомни утро далекого мая,
Нашей жизни веселый рассвет,
И в землянку мою, дорогая,
Ты пошли мне свой нежный привет.

В НОВОЗЫБКОВСКОМ ПАРКЕ

1944 ГОДА

Листвою липы шелестели,
Осенний вечер догорал.
Сегодня девушку в шинели
Я в нашем парке повстречал.

Она сидела у фонтана
Под опадающей листвой.
Была задумчивой и странной
В своей шинели фронтовой.

Томила ли ее забота
О чем-то очень дорогом,
Или она ждала кого-то,
Или грустила о былом?

Иль, может быть, воспоминанья
К ней подступили чередой
И боль безмолвного страданья
Владела девичьей душой?

А парк был тих, и было пусто
В аллеях, где таилась мгла.
Тогда задумчиво и грустно
Из парка девушка ушла.

Листвою липы шелестели,
Звезда мерцала в вышине.
Та девушка в простой шинели
Запомнилась надолго мне.

* * *

Боль утихнет, затянутся раны,
Но останется в сердце печаль.
Пей, сержант, мы с тобой ветераны,
Для тебя русской горькой не жаль.

Пей за счастье, что мы не видали,
Пей за нашу солдатскую быль,
За твои боевые медали
И за этот дубовый костыль.

Пей за то, что с тобой мы сумели
До креста своего дохромать
И чтоб к этой единственной цели
Проводила нас Родина-мать.

* * *

Я учился играть на свирели,
Я любил ее нежные звуки.
Только все почему-то хотели
Барабаном занять мои руки.

Говорили мне те, кто постарше,
Что свирель – из другого романа,
А эпохе нужны только марши
Под грохочущий бой барабана.

* * *

Сентябрьское золото леса,
Прохлада осенних полей.
Без шороха, шума и веса
Падают листья с ветвей.

Мы тихо идем по тропинке
В лучах уходящего света.
Над нами летят паутинки
Печального бабьего лета.

Закат в облаках угасает
И лес покрывается мглою,
Но где-то далеко мерцает
Чей-то костер над водою.

Так в сердце, одетом прохладой,
Не стихнут тревоги и страсти.
Ты стала единой отрадой –
Мое уходящее счастье.

АПРЕЛЬСКИЕ РАССВЕТЫ

Затихнет над холодными полями
Последняя февральская метель,
Отплачает март весенними слезами
И снова в сердце постучит апрель.

Затерянный в огромном людном мире,
Московских улиц скромный пешеход,
О детях, о работе, о квартире
Я полон дум и всяческих забот.

За сорок мне. Остался за плечами
Мой первый день, мой светлый день
весны.
Но что ж опять крылатыми грачами
Встревожены мои простые сны?

Но что ж опять высокие рассветы,
Как праздники сияют надо мной
И отошедшей юности приметы
Владеют снова будничной душой?

Зачем шальные ветры обновленья
Врываются в мой повседневный быт?
В прокуренные стены учрежденья,
В мир коммунальных кухонь и корыт?

Зачем опять весенние дороги
Зовут меня в неведомую даль,
Где ждут меня сердечные тревоги,
Где ждет меня любовная печаль?

Я брошу все! Я изменю привычке
Тянуть свой гуж тяжелый день за днем
И на совсем случайной электричке
Уеду вслед за солнечным лучом.

В ином краю, под небосклоном
вечным,
Где шум лесов и тишина полей.
Я буду вновь свободным и беспечным,
Как в самой ранней юности моей.

* * *

Мне дорог дом, в котором я родился,
Где жил и рос, сложил свой первый
стих,
И я еще совсем не разучился
Любить и помнить близких и родных.

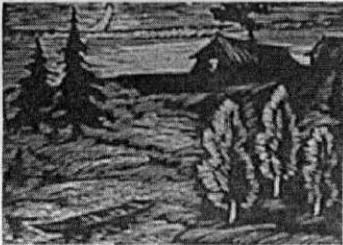
* * *

И опять зарядили дожди,
Снова плачут ненастные тучи.
Ты сегодня меня не жди,
Ожиданьем меня не мучай.

Я немного устал душой,
И на сердце тяжелая дума.
Мне сейчас одному хорошо
Слушать песнь дождевого шума.

В тихом шорохе мокрых ветвей
И в печали заплаканных окон
Монотонная песня дождей
Такозвучна душе одинокой.

Ты сегодня меня не жди
И прости мне мои неудачи.
Видишь, снова идут дожди,
Снова небо печальное плачет.

* * *

Прости за то, что опоздал,
Что слишком долго шел к тебе,
Что я противиться устал
Своей неласковой судьбе.

Прости за то, что много лет
Тебя без памяти любил,
Что за любовь свою в ответ
Твоей любви не заслужил.

Прости, что ветреность твою
Принять как должное не смог
И до сих пор в душе таю
Обиду, горечь и упрек.

* * *

Я конечно знал, что невозможноМне тебя застать сегодня дома,
Но на сердце делалось тревожно,
Когда шел я улицей знакомой.

Я в твою калитку не стучался,
Не на твой порог вела дорожка.
Мимо дома проходя, сдержался
И не заглянул в твое окошко.

Сердцу ничего не подсказала
Старая заветная ракита,
Лишь ветвями грустно покачала,
Словно и она теперь забыта.

Я рукою тронул осторожно
Ветви, испытавшие ненастье.
Что ж поделать, значит
невозможно,
Значит, не мое здесь было счастье.

То ли песня, то ль какое слово
Может быть, мою встревожат рану,
Может, вздрогнет сердце, только
снова
Встречи я с тобой искать не стану.

Ни тебе, ни мне уже сначала,
Не вернуть, что было пережито.
Хорошо, что сердце замолчало,
Хорошо, что встречи позабыты.

* * *

Был холоден твой взгляд и жест
нечутоок.
Была ты равнодушной и чужой,
И маленький меж нами промежуток
Рос до размеров пропасти большой.

Слова теряли прежнее значенье,
Как жалок был я в этот час,
Искал я и не мог найти спасенье
От холода твоих красивых глаз.

Моя беда врасплох меня застала
Я ждал ее, но не был к ней готов.
Что делать, если песня отзывчала
И больше нет ни музыки, ни слов.

* * *

Минутный пыл случайных увлечений,
Любовь, навек остывшая вчера.
Твоих ошибок и моих сомнений
Неверная окончилась игра.
Будь счастлива!

Я имя твое славлю,
Люблю тебя, и все же ухожу.
Я ничего на память не оставлю,
Ни слова на прощанье не скажу.

* * *

Легкий ветер лепестки черемух
Обрывает нежными руками
Знаю я, что ты уйдешь к другому,
Оттого на сердце тяжкий камень.

Ветру что! Черемухи завянут,
Розы расцветут под сенью сада.
Только я любить не перестану
Мне другой любви вовек не надо.

* * *

О том, что сказано, что недопето,
Что было иль не было в нашей судьбе,
На струнах серебряных бабьего лета
Я лучшую песню сыграю тебе.

Я в ней расскажу, как за синею далью
На желтых дорогах осенних полей,
Я распрошлся со светлой печалью,
С единственной в жизни любовью моей.

И может быть, сердце твое
встрепенется,
Когда средь житейской глухой тишины,
Души твоей отзвук далекий коснется
Таинственной песни осенней струны.

* * *

Сосен таинственный шорох,
Небо в закатном огне,
Позднего вечера штора
В низком темнеет окне.

Где-то за лесом далеко
Ночи сгущается тень,
Что же мне так одиноко
В этот померкнувший день?

МЕЛОДИЯ ВАЛЬСА

Когда в облаках догорает
Закат над притихшей землей,
На площади нашей играет
Военный оркестр духовой.

В тумане вечернего света
Певучие звуки плывут.
Играют альты и кларнеты,
Задумчиво флейты поют.

И сердцу становится больно,
И память далекой весны
Душе навевает невольно
Простые и милые сны.

Звучала мелодия вальса
Такой же вечерней порой,
Как в русских старинных романсах,
В саду городском под луной.

Я помню, как нежные руки
Ложились на плечи мои,
И пели прекрасные звуки
Мне вечную песню любви.

Все это осталось в печали
Слезой затуманенных глаз.
В какие ж безвестные дали
Уходит надежда от нас?

Что было душе моей мило,
Навеки пришлось потерять,
И женщина та, что любила,
Устала меня ожидать.

Я знаю, когда запылает
В предутренний час небосвод,
Горнист полковой заиграет
Сигнал собираться в поход.

И вновь по военной тревоге
Уйду я в походном строю.
Солдатская правда дороги
Согреет мне душу мою.

* * *

Этюды, сонеты, сонаты
Тона, полутоны и тени...
Годы идут, как солдаты,
Как ритмы стихотворений.

Аккорды звучат тревожно,
Загадочны красок пятна.
То кажется - все возможно,
То кажется - невероятно.

Ведь все, что живет на свете,
Имеет на то причины:
Птицы, деревья и дети,
Женщины и мужчины.

И вечным встает вопросом
Задача с одним неизвестным:
Как без болезни роста
Найти свое в жизни место.

А то ведь пойдет все мимо:
Люди, события, даты...
А годы неповторимы,
Как павшие в битве солдаты.

* * *

Подождите, подождите, годы!
Не спешите! Я еще не жил.
Это просто ветер непогоды
Пылью мне виски запорошил.

Это просто трудная дорога
За плечами у меня легла.
Подождите, годы, хоть немного, -
Я не все свершил свои дела.

Григорий ПИСАРЕВСКИЙ

Григорий Иосифович Писаревский родился в Нововыбкове. Участник войны с Японией в 1945 г. После демобилизации работал в Забайкалье журналистом и руководителем ряда хозяйств. Вернувшись на родину в конце 50-х, часто публиковался в местных изданиях. Пишет стихи и прозу. Выпустил недавно книгу стихов и рассказов. Готовит к изданию повесть, отрывок из которой предлагается читателям.

Я БЫЛ С НИМИ

(Отрывок из повести)

На девятом километре чабанил дед Чукмасов, краснолицый, еще крепкий стариан. Жил он на заимке со старухой, замученной бесконечной работой и многочисленными детьми. Во время мартовских окотов или в страду во время стрижки овец вся дедова семья была задействована на этой труднейшей малопривлекательной работе.

Пятьдесят четвертый, первый год моего председательства, без содрогания вспомнить не могу. Несмотря на сноровистую, толковую помощь чабанской семьи, далеко не всех маток и детенышней удавалось спасти. Овцы были истощены: травостой в том году был никудышний, а на соломе далеко не уедешь.

Однажды с Иваном Кожиным и Гошкой Долиным, инструктором райкома (в то время инструктора жили при колхозах), поехали на отдаленное пастбище. Здесь малоснежные зимы, и в пути жгучий хиус бросает в лицо вместе со снегом сухой песок, поднимая его с неприкрытых местами снегом склонов сопок. На взгорках бредем, под уклон бежим в тулупах вслед, изгоняя пробравшийся за пазуху холод. Небо ослепительно синее, березы в кухте... Безмолвие и красота, только на дальней сопке вдруг стриганула тройка косуль, подняв легкое снежное облачко. Вон уже видно зимовье на склоне сопки, под небольшой чащой корявеньких березок, а внизу, в пади — овцы. Около них на белом мерине дед Чукмасов.

Дед увидел нас и тронул мерина к зимовью. Зимовье еще не выстудилось, в буржуйке тлели угли. Поздоровавшись, дед подкинул березовых палок и поставил на печь чайник. Пока грелся чай, он рассказывал о своих делах.

Дед вытащил калачей, мясо, сметану, не без основания рассчитывая на стопку «для сутреву». Долин достал бутылку, сало. У деда голый череп, начинающее морщиниться продубленное морозом безбородое лицо с неожиданно ярко-синими глазами. Небольшой, худощавый, в стираной-перестираной гимнастерке, стеганых штанах и валенках, он ловко управлялся на маленьком столике.

Воевал стариан, вернулся с фронта в конце сорок четвертого по ранению и контузии. Он плохо слышал и заикался, однако тройку лет назад оклемался самым что ни есть чудесным образом.

Дед похаживал к сорокалетней вдовушке Васене. Досужие бабы языки донесли эту весть дедовой старухе. Та, погрязшая в своих заботах, только рукой махнула:

- Нехай забавляется старый хрыч. Ниче, от такой работы поди уяннет скоро...

Приехал как-то в район из областной газеты фотокорреспондент описать и показать лучшего в районе чабана. Деда похваливали, и журналиста направили на девятый километр, туда же в условленное время поехал председатель сельсовета.

- Подкинул меня Володька Самгин на «ЗиСе», сам поехал в город, - рассказывал Иван. – Корреспондент уже там, а деда нету. Старуха говорит, что с вечера уехал в Улинку и искать его надо у Васени, а отару сын ишо спозаранку угнал в сопки. Глянул я на газетчика – вроде ниче пока тот не понял, что мол за Васеня. Настаивает он разыскать чабана, у него задание сфотографировать чертова деда. Отговаривал я его как только мог, шутка ли, везти его к Васене. Этот дотошный щелкопер растрезвонит анекдот на всю область, а мне хоть не показывайся в районе. Как же, Кожин привел газетчика с аппаратом прямехонько к зазнобе старого хрена. Но че было делать? Сели мы в райкомовский «газик» и вскорости были в конторе. Хотел кого-нибудь послать за дедом, да как назло ни в конторе, ни поблизости никого не оказалось, все в поле да на огородах. Не побегу ж я за ним на костылях. А этот со своей чоколкой торопит, мол, опаздывает к поезду и материал не успеет в газету. Пришлось ехать к Васене. Ну, постучал, значит, дал им я знак уйти от сраму. Молчат. Ишо раз постучал – молчат. Ну, думаю, слава Богу, встреча закончилась, унесло их куда-то. Нету никого, - говорю газетчику, а тот дверь потянул, она и открылась. Заходим через кухню в горницу, а там во всей красе картина: сидит эта стерва у лысого любовника на коленях и сует ему блин в сметане. На столе стопа блинов, крынка со сметаной да распоточатая бутылка. Не видят они и не слышат никого. Ну, думаю, все. Вы че, заснули? – спрашиваю. Васеня в один секунд сиганула за шторку, где они любовничали, а дед как сидел в исподнем с блином во рту, так и остался сидеть. Газетчик сообразил, что к чему, а виду не показывает. А че там соображать – все ясно как день. Ты, говорит деду, прибарахлись, я тебя для газеты фотографировать буду. Тот очумел от страха, блин-то сглотал, морда ж у него всегда бурая, а тут загорелся как помидор, а рот и нос в сметане. Орал я ему в самое ухо, пояснял, зачем пришли, а он сидит, губами шевелит, че-то бормочет и на меня ноль внимания. Потом оттолкнул меня и вдруг говорит ладно да гладко, чего, мол, я ору, он все слышит и понимает. И не заикается. Вот так штука, думаю. А дед сметану вытер, надел гимнастерку, натянул штаны ватные, сел на табурет и сфотографировался. Потом налил нам с парнем по чарке, себе и говорит, мол, выпьем за то, что излечили его. Парень-то потом, как вышли, хохотал, пока не уехал. На прощанье успокоил, никому, мол, не расскажет. Да не может того быть, друзьям за чаркой наверняка поведал. А в районе только недавно прознали, видать от кого-то из наших. А парень-то и впрямь никому из районников не

рассказал. Дед же с тех пор все слышит и не заикается, помолодел и не одну Васеню охаживает. Люди говорят — страх на него повлиял, подумал дед, что приехали разоблачать его через газету.

Дед пригладил череп, опрокинул стопку.

- Мы с малых лет приучены к лишениям. Чабанили родители у местного богатея. Задолго до света мать, бывало, затопит печь, чугун щей поставит к вечеру, корову подоит, чушку накормит, молока с краюхой оставит нам и — до темна с отцом в отаре. Ниче... Сдюжили и не болели. Я и теперь не болею, прокалился морозом насквозь. Батька помер в девяносто, и я столько же проживу. День вот так надышишься чистого воздуха морозного, овец загонишь в зимовье. Оклемаешься, стопочку, ежли припас, опрокинешь, калачиком со шматом мяса и чайком нарубаешься, глядишь, и к Вассе потянет. Нельзя вдов забывать. Че им делать-то? Поди живые...

Дед провел по лысине закорузлыми, плохо гнувшимися пальцами и опрокинул поднесенную Гошей стопку.

- Васильич, — подал голос Иван. — У тебя ж старуха, а Васеня поди годков на тридцать моложе тебя. Не позорился бы.

- Эх ты, совецка власть, — возмутился дед, — кабы позорился — сидел бы со старухой. В конце сорок третьего, в аккурат перед контузией, стояли под Гомелем в одном селе, запамятали, не помню названия. Одна вдовушка, помоложе Васени, пригожа така, меня выбрала, не поглядела, что мне в ту пору к шестидесяти было. Я-то с виду был хоть куда. У баб особый нюх на мужиков, редко ошибаются, во мне — ни разу. Ни одну не опозорил и сам в почете. А старухе не до меня, у нее взвод пацанов. А я и ее не забываю, хватат... Чего ты грохочешь? — без паузы обернулся дед к Гошке, откинувшись на нарах. Вы, партейные, повязаны билетом своим, и жизнь у вас, паря, по тетрадке идет. Нет от вас толку ни себе, ни людям, штоб, значит, жизнь хорошую в стране сделать. На фронте на партейных глядели солдаты, ниче не скажу, те пулям не кланялись. А нонешние... все каки-то прихлопнуты да с портфелями под мышками и кислы... Другой сморщится, будто ложку горчицы хватанул, или уксусу. Че от такого ждать, акромя лекции на международные вопросы? А себя-то не забывает, всяк норовит в свою норку тащить. Вона, гляди Шаргин — не чета вам. С виду — куда с добром партейный вожак, а внутрях — самый ворюга. Народ все видит.

Дед вновь обратил чуть замутненные глаза к Гошке Долину:

- Ты на себя погляди... Молодой ведь, а на тебя ни одна баба не обернется. Тощий, желтый, как Самоха Пичугин. Тому ж не стыдно, за восемьдесят уже. Ты пошто такой? От газет, че ли?

У Гошки пропал смех. Заулыбался Иван, у меня дергались губы.

На крупном цирюльнике — планете.
И все у Бога на примете,
Какие есть мы: без прокрас

(Журнальный вариант).

Мой, разве в этом фальшив, спаси
Пусть говорят, пусть говорят!

Вячеслав КОРЫТКО

Родился в Витебске. Жил в Брянске. Один из старейших журналистов города, много лет проработавший в газете «Маяк». Редактировал первое в городе независимое издание – газету «Выбор». В настоящее время – сотрудник злынковского «Знамения». Его стихи и рассказы хорошо известны нашим любителям литературы. В творчестве строг и конкретен. В тоже время не чужд лиричности, которая у него как выдержаный временем и жизнью напиток, что привлекает к самому торжественному случаю. Готовит к изданию свой первый сборник произведений.

ГДЕ-ТО ЗА МЕТЕЛЬЮ – СВЕТ ОГНЕЙ

В новый век не скакет Русь на
тройке:
Век двадцатый оборвал полет.
Для него Россия мчалась бойко,
Не ведя докучный верстам счет.

Пристяжные, круто выгнув шеи,
Коренник под звонкою дугой,
Обгоняя ветер, вдали летели
По дороге верной, столбовой.

Ах, какие были птицы-коны!
Тройка-Русь, куда ты занеслась?
На каком застяла перегоне?
На каких ухабах растряслась?

Погналась за призраком ретиво,
Закусив кроваво удила,
В ад кромешный бури угодила,
Рысаков лихих всех загнала.

Бубенцы, звеневшие взахлебе,
Отчего умолкли? Кончен бег.
Ездоки с повозкою – в сугробе,
И ни зги – сплошной стеной снег.

Что ж теперь? Дороги нет
обратной.
Где-то за метелью – свет огней...
На снегу еще алеют пятна
От следов загубленных коней.

ХУДОЖНИК

Светлой памяти И.И. Юденка
посвящается

Открой или закрой глаза,
Тот свет в душе не меркнет:
Сияет вечная краса
В творениях бессмертных.

Перед распахнутым окном –
Цветов благоуханье,
Их аромат струится в дом
И свежесть утром ранним.

А вдалеке летит, как вихрь,
Табун коней ретивых.
Запечатленный жизни миг
На полотне – как диво.

С душой отзывчивой к живой
Неповторимости в природе
Художник мастерской рукой
Ее черты выводит.

Цветы, березовый рассвет,
Славянский лик мадонны...
И верится: любой сюжет
Картин писал влюбленный.

Открой или закрой глаза,
Тот свет в душе не меркнет:
Спасает мир его краса,
Что не подвластна смерти.

БОЛЬ РОССИИ

*Годовщина гибели атомохода
«Курск» посвящается*

В холодных объятиях северных вод,
В отсеках-жилищах походных
Подводники «Курска» уже целый год
На рейде в широтах Господних.
Они отошли от мирской суеты,
Задач боевых и тревоги.
За ними сгорели дотла все мосты,
И нет им обратной дороги.
Покинули души земную юдоль
Матросов в бушующем море.
Подводников гибель - ужасная боль
России. Народное горе.
Задраены люки к истоку беды,
Открыты каналы для версий,
И мутные льются потоки воды,
Сплетая экранные вести.
И нету покоя на дне морякам.
Могильный приют их колебля,
Живые кромсают корабль по частям,
Чтоб с тайною вынуть на землю.
Заглянет плутовка открыто в глаза,
С добычею выйдя на сушу,
Или, отвернувшись, промолвит:
- Нельзя!

Свою не открою вам душу!
Опять над Видяевом траур повис,
Поселок заплакан слезами и воском -
Родные погибших сюда собрались,
Скорбя по команде матросской.

* * *

Не надо речей обещальных,
Звучавших нам в жизни не раз.
На наших дорогах печальных
Надежд поистрачен запас.

* * *

Живем один мы только раз
На хрупком шарике - планете.
И все у Бога на примете,
Какие есть мы без прикрас.

ВРЕМЯ

Время - лекарь. Время лечит,
Исцеляет и... калечит.
Созидает и крушит.
Зажигает, гасит свечи,
Тяжкий крест кладет на плечи
И снимает груз с души.
Разлучает, дарит встречи
И судьбою всех нас метит,
И над всеми суд вершит.

* * *

Всему начало есть и есть конец,
В природной этой круговерти
Есть время жизни, время смерти.
Тем и всесилен наш Творец,
Что отмеряет всем он меру
И всем отсчитывает срок
За добродетель и порок
И за безверие и веру.

ПУСТЬ ГОВОРЯТ

Мне говорят: «Остановись!
Не знаешь ни границ, ни меры,
Зачем растрачиваешь жизнь
В угоду призрачной химере?»
Мне говорят: «Остановись!»

Мне говорят: «Остепенись!
Уже заснежен сединою,
А, как юнец, глядишь на жизнь,
Живешь несбыточной мечтою».
Мне говорят: «Остепенись!»

Мне говорят: «Ты оглянись!
Чего достиг в своей ты жизни?
С небес на землю опустись,
Живи лишь для себя и близких».
На землю, говорят, спустись.

Мне, укоряя, говорят,
Что я мечтатель и добрая,
Что я друзьям безмерно рад.
Мол, разве в этом счастье, благо?
Пусть говорят, пусть говорят!

ОСЕНЬ

Как будто бы волшебницы из сказок
Нерукотворный шьют наряд.
И вот она, царица звонких красок,
Венчальный совершают свой обряд!

Ей кажется: в своем наряде ярком
Она весне в цветении сродни,
Порою схожа с летом жарким.
А как же щедро раздает подарки,
Которых нет у лета и весны!

Плоды садов нам дарит налитые
И с нив созревший урожай.
Наполнив закрома и кладовые,
На стол кладет, как солнце, каравай.

И в погребах уже играют соки
Прелюдии для доброго вина.
И будут на пиру с ней, златоокой,
Вино то пить и лето, и весна.

СНЕГИРИ

Гляжу, заворожен картиной:
В сиянье утренней зари
Горит рубином куст калины,
На нем пируют снегири.

Им благодатно после выюги
У гроздьев, словно у костра,
Тут красногрудые пичуги,
Все гости званые с утра.

Плоды пунцовые на ветках,
Порывы выдержав пурги,
Свежи, ядрены, в соке терпком
Для снегирей как пироги.

И краски эти птиц и ягод
На ветках в зимнем серебре,
Играя разноцветьем радуг,
Нас греют в стужу на дворе.

МЕТАМОРФОЗЫ ПОГОДЫ

Зима в тот год была без стужи,
Текли по улицам ручьи,
И в январе купались в лужах
С лучами солнца воробы.

Зима и - вешние потоки.
Кто дал такие ей права?
Привычные нарушив сроки,
В деревьях оживали соки
И зеленела вновь трава.

Такие выверты природы!
От них хорошего не жди.
Как преждевременные роды,
Зимой - весенние дожди.

ЗИМА ПОШЛА НА УБЫЛЬ

Зима уже пошла на убыль,
Хотя порой еще мороз
Хватает за уши и нос
И кто-то кутается в шубы.
И все ж зима пошла на убыль.

Хотя порой еще метели
Свой водят белый хоровод,
Все чаще блещет небосвод
И весело звенят капели.
Пусть позабавятся метели.

Что ж, снег сверкает белизной,
Покров его местами пышен,
Но солнце с каждым днем все
выше,
Наводит светлый мост с весной.
Пусть снег сияет белизной.

Зимы ночное одеяло
День тихо стягивает прочь
И, укорачивая ночь,
Сам прибавляется помалу -
Весне готовит он начало.

ВЕСНА

Стряхнув зимы оцепененье
Приливом света и тепла,
Весна порывом обновленья
Сердца надеждами зажгла.

Умывшись после сна, природа
Ликует, свежестью дыша.
Бездонной синью небосвода
Любви распахнута душа.

МАЙ

Из братьев трех весенних
По нраву выбирай.
Милей мне белопененный,
Цветущий месяц Май!

Везде деревьев кроны
Опять в листве густой.
И парк, и лес зеленый,
Сад - словно под фатой.

Зажгли каштаны свечи,
От их роскошных люстр
Светлее в хмурый вечер,
И день, когда он тускл.

Как в гроздьях, взмывших круто,
В святой Победы день
Вся в россыпях салюта
Черемуха, сирень.

Да, двое, что постарше
Из братьев, хороши.
Но Май светлей и краше,
В нем расцветает ландыш,
И нежен, и душист.

Из братьев трех весенних
По нраву выбирай.
Люблю я белопененный,
Цветущий месяц Май!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Струи звонкие иссякли
Отплясавшего дождя,
И везде живые капли
На ресницах дня дрожат.

От кустов, деревьев влажных
Отвести не можешь взгляд:
Листья в россыпях алмазных
Словно царственный наряд.

Выпивает солнце лужи.
Кстати, пролитым дождем
Бор умылся, лес разбужен,
Задремавший жарким днем.

Оживил все ливень летний -
Животворный чародей.
Но не только блеском внешним
Он так радует людей.

- Приняв этот дар небесный,
Утоливший жажды пыл,
Станет колос полновесней,
Злак, что дождик напоил.

И в сияющем просторе
Птицам радость не сдержать,
Прославляют они хором
Омовенья благодать.

ОСЕНЬ

Узоров дивные сплетенья
Листвы закатной на ветвях
Горят янтарно в день осенний
В нежгучих солнечных лучах.

Березы, клены и осины
В лесных чертогах, на яру
Как будто разожгли каминьи,
Чтоб не продрогнуть на ветру.

Их пламень красок душу греет
И завораживает взгляд.
День убывает, свет слабеет,
И блекнет осени наряд.

ДОЖДЯ ЖИВИТЕЛЬНЫЕ КАПЛИ

На небе туча грозовая
Затмила солнца яркий лик.
На землю пала тень густая,
И день от сумрака поник.

Все присмирело, все притихло,
Пока не дрогнуло вдали...
И вот несется ветер вихрем,
Деревья клонит до земли.

Сверкнула первая зарница -
Сигнал: небесный начат бой.
Раскатный гром, как колесница, -
По деревянной мостовой.

Порывы ветра вдруг ослабли,
И клубы пыли улеглись...
Дождя живительные капли,
Сливаясь в струи, полились.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Играют радуги на небе,
Пьют воду теплую реки,
И от нее взмывает лебедь
К высотам верности любви.

И в этом устремленье чудном
К вершинам разноцветных дуг
Сверкают крылья перламутром,
И с поднебесья льется звук.
И слышна в песне лебединой
Тоска разлуки навсегда
С своей избранницей единой -
Днем с неба падала звезда.

* * *

Возраст женщины - условный.
Не считай ее года.
Женской прихоти угодно
Слышать: Как ты молода!
Как мила! И как прекрасна!
Как к лицу идет наряд!
Повторяйте ежечасно:
Комplименты - не напрасны -
Дамам головы кружат.
И парят они в мечтаньях
От таких приятных фраз.
В них надежды, ожиданья,
Словно в первое свиданье,
Возрождаются тотчас.
Чудодейственней нет силы,
Чем живого слова власть,
Но в словах красноречивых
Не должно быть нот фальшивых,
Чтоб не стала горькой сласть.

* * *

На свете царствует любовь!
Она основа всех основ,
Как солнце в нашей жизни,
Что согревает дальних, близких.
И опьяняет всех она,
Как чаша доброго вина.

А если царствует любовь,
То почему же вновь и вновь
Людей невинных льется кровь
И гибнут старики и дети,
Уходят милые во цвете?
И все же царствует любовь!

Любовь есть счастье и беда.
Она как вешняя вода,
Что поле щедро орошает,
Но и жилища затопляет,
Порой смывает без следа.
Любовь есть счастье и беда.

Антонина РАДЧЕНКО

Родилась в Злынке. Она - библиотечный работник, досконально знающий литературу, поэтому в ее творчестве так ясно прослеживаются классические мотивы, четкость и чистота стихосложения. Хотя стихи она пишет давно, публиковаться начала сравнительно недавно. Способствовал этому и ее успех на конкурсе, посвященном 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, где ее произведение было признано лучшим. Сейчас она в ряду наиболее популярных и известных местных авторов.

Я - ИЗ ЗЛЫНКИ

Я – из Злынки, я родом из Злынки...
Облака проплывают легко...
Память в сердце листает картинки
И уводит меня далеко.

Сколько здесь понабегало детство,
Колокольчиком смеха звения,
Сколько раз, распахнув свои ставни,
Будоражило утро меня!

Со скворечни чуть скрипнет скворчонок:
Малой родины спышу напев,
И лицо чистых злынковских улиц
Охлаждает прохлада дерев.

Здесь у каждой калитки навесье,
Козырьки, что «подташьем» зовут,
Разрезают стрижи поднебесье
И меня за собою влекут.

Так сложилось. Я здесь не осталась,-
Пусть нескладно в нелегкой судьбе.
Знаю точно, резное напичье
Снова, Злынка, взор манит к тебе.

Белый аист. И заводь кувшинок, -
Мне подарит знакомый Млынок...
Деревянное кружево Злынки –
В сердце – мой, красоты уголок.

ШКОЛЬНЫЙ ЭТЮД

Открою дверь я в свой десятый «А»,
Переступлю его порог несмело,
Где на последней парте, у окна,
Еще не стерлась надпись:
«Каравелла».

И в памяти в тот миг воскреснут
вновь
Глаза моей соседки – непоседы...
И лист кленовый упадет на стол,
Ворвавшись в форточку с порывом
ветра.

МОНАСТЫРЬ НА КАМЕНКЕ

Карты трех дорог - раскидаю веером,
И по ним мне выпадет - недалекий путь.
Здравствуй, речка Каменка,
Приюти, ты, странника,
Под кустом калиновым дай ему уснуть.

Гулко звякнет у ворот монастырский колокол,
Созывая к трапезе - тех, кого здесь нет...
Пыль веков рассыплется на босые ноженьки,
Звездочки лампадами донесут свой свет.

Где ты, друг единственный? –
Под песчаным берегом, -
Мне ответ пробулькает говорливый ключ.
Слезы мои горькие - росами
раскинутся,
И опустит солнышко в Каменку свой луч.

По дороге, корнями, обдирая ноженьки
Я пройду по краешку - ох, нелегкий путь...
Монастырь на Каменке выпадает
камешком
И ложится камушек - прямо мне на грудь.

Теплым летним вечером, с солнышком
закатистым
Мне проплачет иволга поздний
благовест.
Через камни острые, через травы
росные
Долго-долго, милые, мне нести свой
крест.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

На граните вырублен портрет,
А под ним знакомые слова...
Я пришла, отец, поговорить...
И склонилась к камню голова.

Все не просто в жизни, все – не так;
Вдруг надежда хвостиком вильнет,
Но подброшу бабушкин пятак –
Мне орел, иль решка упадет?

Не возьмешь за шиворот судьбу,
И порою не хватает слез,
Не вести же с близкими борьбу...
И любовь, наверное, всерьез.

И за разговором, может быть, -
Станут стыть обычные слова...
- «Как скажи, отец, мне поступить?
- Где же у моей вины края?»

Так хотелось посмотреть в глаза
И услышать от него совет...
Набегает жгучая слеза...
А ответа не было, и нет.

Повзрослеет у меня твой внук,
Он зажжет в глазах надежды свет,
В нем я, как песчинка, растворюсь,
Может, там найдется мне ответ.

НА ИСХОДЕ ЛЕТА

Ловлю мгновенье на исходе лета,
Хоть песня до конца еще не спета.
Цикады скоро в травах замолчат
И яблоки по крышам застучат.

То август краем лето ущербляет,
Луна своими глазьями сияет
На небосклоне яркие зарницы
Но почему-то ночью мне не снится.

Затихнет скоро песен летних звон...
Перебирая четки из рябины.
Ссыпает август звезды мне в ладонь,
И чьи-то губы шепчут: «Антонина»...

В НОЧНОМ

Посвящается моему отцу
Стреножены кони на росном лугу.

Тропинкой плутливой я к ним
прибегу.
Подернув ушами, всхрапнет вороной,
Заржет и притопнет изящной ногой.

За шею тихонько коня обниму,
И сахар с ладони ему протяну,
Распутая пута, гулять отпущу,
И громко во след я коню засвищу.

Распущенной гривой помашет он мне
И вихрем промчится по росной траве.
Ноздрями потянет он воздух ночной
И звонко заржет за моею спиной.

На правой косе – табунок лошадей,
Укрытый туманом от взглядов людей...
Конь в воду заходит и, фыркнув,
плывет,
С другой стороны он подругу зовет.

И скоро, наверно, услышать смогу
Ответное ржание на берегу...
Стожары наклонят рассветы к
земле,
А кони стоят по колено в заре.

МАЙСКАЯ МЕТЕЛЬ

Майская метель, майская печаль –
Феномен природы грешной.
Майская метель, майская печаль
Умывает зелень снежьем.

Затянуло вдруг небо все «хмурьем»,
Снег летит из серой тучи,
Майская метель, майская печаль, -
Неужели нас разлучит?

Майская метель, майская печаль, -
Ветром цвет каштанов сдует...
Майская метель, майская печаль,
Что она нам наколдует?

Майская метель, майская печаль, -
И похолоданье неизбежно
Майская метель, ты засыпай,
Сохрани навек любовь и нежность.

УЛЫБКА ЯСНАЯ ПРИРОДЫ

Ажурным кружевом березок
Подернут молодой лесок,
И мне протеняет над ухом,
Пичуги тонкий голосок.

В долине коростель чуть скрипнет,
И муравейник оживет.
В зеленых волосах осины
Играет свежий ветерок.

Паук на тонкой паутинке
Затянет память в узелок,
И на поляне земляника
Взметнет свой красный огонек.

И каждой клеточкой своей, я
Приветствую дыханье дня,
С улыбкой ясною на листьях
Природа смотрит на меня.

ТРЕПЕТНОЕ ТАНГО

Ранним летним утром
Лоскутком из ночи,
Зорька, разрумянясь,
Протирает очи...
На поляне росной
Солнца круг сияет,
Нежными лучами
Лето обнимает.
Золото потоком
С высоты прольется.
Улыбнется солнце –
Лето рассмеется.
Вот и спились в танце:
Корте, рок, поддержка...
Солнце лето в танго
Опускает нежно.
Птичий хор беспечно
Сплав их прославляет,
Аромат соцветий
Воздух наполняет.
Па-де-де, сплетенье, -
Дымка, цвета манго...
На поляне тает
Трепетное танго.

ПРОЩАНИЕ

СРЕТЕНИЕ

В меха белых снегов одета,
В парчу и кружева рядилась.
Красавица – зима, танцы,
Снежинкой в вальсе закружилась.

Морозом оковала реки,
Метелью оплела дороги,
Крестом по снегу вышивают
Две черно-белые сороки.

Перетряхнет полей перину
Веретено ветрами кружит,
И тонким инеем на ветках
Себе приданое навьюжит.

Чиста снегов незащищенность...
От солнца искр – глаза устали,
Но звон сосулек утонченных,
До сердца теплотой достанет.

Петух из луж воды напьется,
Прочистит горло звонким криком,
Весна в проталины подсмотрит
И землю одарит улыбкой.

В сретение, на переломе
Март зимушку свою встречает,
Протянет ей свои ладони
В руках гжель неба отражая...

И только ей, подружке верной,
Подснежники в косу вплетает...
И скоро солнце теплым светом
Их меж собою повенчает.

На рыхлой, тающей перине
Март раскрасавицу обнимет,
И снеговую перелину
С плеча ей осторожно снимет.

РАЗ ПРЕДНОЯБРЬЕ

Осень, осень – пора листопада,
Осень, осень – косые дожди.
Мокну я у железной ограды,
Ветер листья срывает с ольхи...

То заплаканной осени слезы –
Золотистою ниткой капель...
Что-то странно лопочут березы,
Хмуро смотрит замшелая ель.

Стынет мокреть, опять колобродит
В небесах предморозный закат.
В темных тучах сплетаются ветры,
Птички стаи куда-то летят.

На газонах трава индевеет,
И струя из фонтана замрет,
На лежанку котенок запрыгнет,
В небо дым рукавами уйдет.

Скоро-скоро в предзимье покатит
Ноября предметельный возок.
Зеркала в стылых лужах покроет
Первый хрупкий осенний ледок.

Предноябрь – лихие дороги...
Колеями колеса сожмет.
Скоро-скоро на стылую землю
Белый саван снегов упадет.

ВСЕ МЫСЛИ О ТЕБЕ

Зачем, зачем мне думать о тебе?
Лепеять душу трепетной надеждой.
Ведь знаю я – любовь не будет прежней,
Зачем, зачем мне думать о тебе?

Ее печалим, будто бы в насмешку,
Вверять свою судьбу твоей судьбе.
Но знаю я, письмо не будет прежним,
Зачем, зачем мне думать о тебе?

Но в глубине души – живут воспоминанья,
Наперекор всему, наперекор себе.
Любовь моя жива, не нужно
состраданий!

Все мысли о тебе, и только о тебе!

ОБМАН ЗИМЫ

Задекабрило. Белые выюги
На полях расстелили постель.
Стылым звоном звенит за окошком
Бородою сосулек метель.

Белоснежье. Ажурье снежинок.
Занесенных лесов глухота.
Над окном ожерелье из льдинок
И пустых вечеров маята.

На рябине как свечка на елке, –
Глаз обманет алелая стынь –
Это с красною ягодой в клюве,
Залетел красногрудый снегирь.

Где все это? Дождливая просинь
И водой заливает снега,
К нам вернулась плаксивая осень,
Нас опять обманула зима...

Но декабрь свои правила знает:
Будет выюг и стенанье, и свист...
На окошке моем расцветает
Алым цветом – цветок «декабрист».

Нам повеют морозы надеждой,
Свежим снегом умоет лицо.
И смотри-ка, опять прилетел к нам,
С белой выюгой, – снегирь на
крыльце.

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ЗИМА

Такая долгая зима...
И так тебя мне не хватает,
Снежинки в воздухе летают.
Душе так хочется тепла.
Метели просятся в дома,
В окно мое снега стучатся,
Такая долгая зима...
И где взять сил тебя дождаться?
За декабрем бредет январь.
За январем февраль ступает...
Я отрываю календарь,
До нашей встречи дни считаю.
И верю, что твоя душа,
На счет мой сердцем отзовется
И знаю я, в конце зимы
С капелью к нам любовь вернется.

КАТИТ СОЛНЦЕ ПОД ГОРКУ

Катит солнце под горку алое.
Мне судьба предъявляет счет:
«Заплати по счетам, пожалуйста!»,
Мне покоя жизнь не дает.

Я плачу, я плачу и плачу,
Надо мной занесен уж меч,
Как же мне, никому не жалуясь,
Теплоту души уберечь.

И концы с концами не сходятся,
Перекос в судьбе – перевес...
Достает в уголок моей памяти
Дальнобойной тоски рикошет.

Исправляя свои ошибки,
Ключ от бед я закину в траву,
И колеблется марево зыбко...
А кукушка кукует – живу.

Сколько в жизни моей наворочено,
Снова жизнь предъявляет права
И судьбою моей заморочена
Забубенная голова.

ПРОЩАНИЕ

Я тебя от сердца отрываю
И вослед не прокричу: «Вернись!»
Все, что получилось между нами
Называется так просто – жизнь.

Ты еще с надеждой обернешься,
Не решив, что все уже прошло.
И с руки своей еще не снимешь,
Счастья – обручальное кольцо.

О тебе одном, потом горюя,
Горькую слезу не удержу.
Все, что получилось между нами
Я себе на сердце положу.

Как же тяжела мне эта ноша!
Слез моих ночных – соленый пруд;
В форточку раскрыту влетает
Бед нелегких – тополиный пух...

Я таких вериг не пожелаю
Самому заклятому врагу...
Я тебя забыть не собираюсь,
Но и быть с тобою не могу!

ЛЮБОВЬ ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ЖИВЕТ

Мне этот дом, теперь чужой,
Пролет слезу печальных дней,
Любовь здесь больше не живет
И не грустите, вы, о ней.

Любовь здесь больше не живет,
Но позабыть я не могу...
И трудных дней круговорот
Затянет мертвую петлю.

В ладонях неба самолет
Проложит линию судьбы,
Пусть тысячу пройду дорог,
Но я найду твои следы.

Меня разлука проведет
От ясных снов до миражей –
Любовь здесь больше не живет...
А я люблю еще сильней!

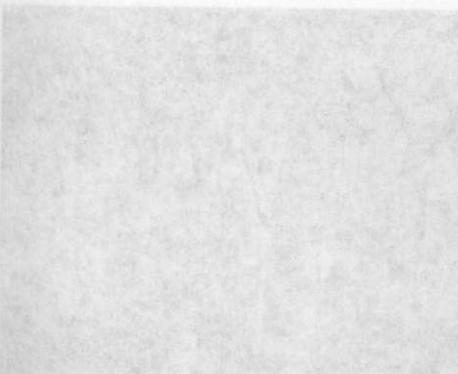
Иван ЮДЕНОК

ЮДЕНОК Иван Иванович (1937-2000) - живописец, автор ряда известных работ, находящихся в фондах Белорусской национальной галереи, Саранского художественного музея, других крупных общественных и частных собраниях. Родился в Новозыбковском районе. Окончил Ярославское художественное училище.

Жил и работал в Гомеле, Бобруйске, Брянске. С 1984 года проживал в Новозыбкове. Член Союза художников СССР (1972г.). Участник Всесоюзной, Белорусских республиканских, ряда областных, большого числа персональных выставок.

В творчестве придерживался традиций Белорусской живописной школы. Произведения И. Юденка отличаются мягкой, светоносной манерой письма, прославляют красоту природы и человека. Его имя внесено в художественную энциклопедию БССР. Похоронен на родине, в селе Вихолка.

В октябре этого года в Центральной городской библиотеке открылась первая посмертная выставка живописца, на которой экспонировались более 50 произведений, выполненных в основном в 90-е годы и сохраненных семьей художника. Некоторые из них представлены репродукциями в нашей рубрике.

МЕЛОДИЯ МОЦАРТА

ОСЕНЬ. АВТОПОРТРЕТ

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

ЛЕТО

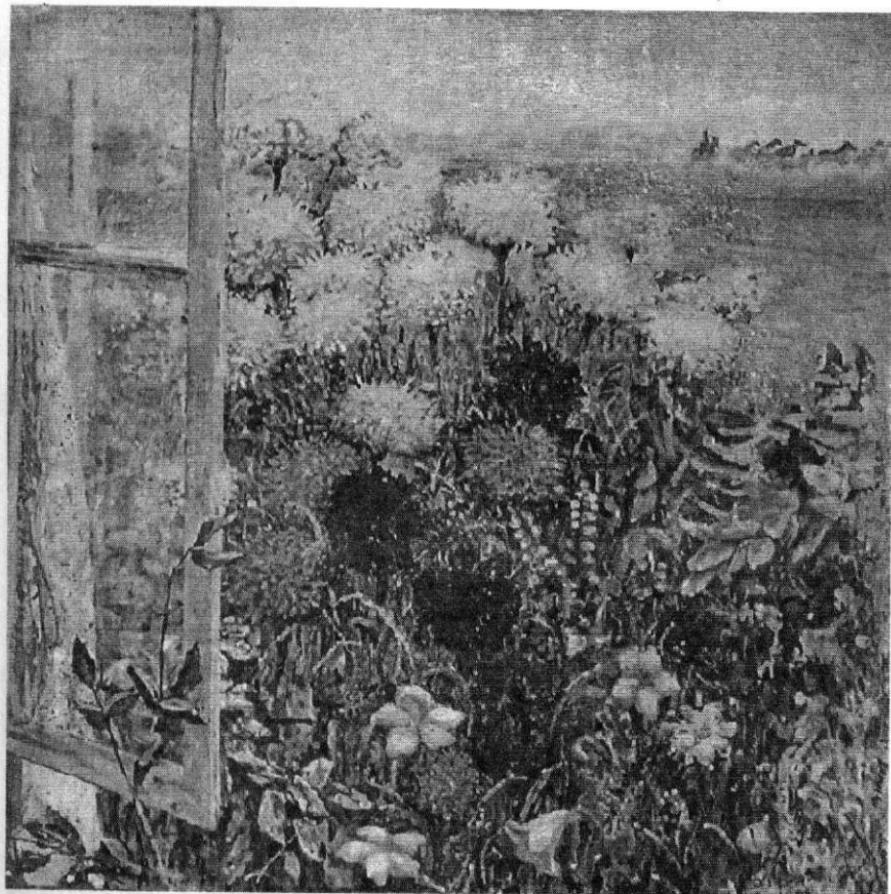
ГОРЫ

ПАСХА

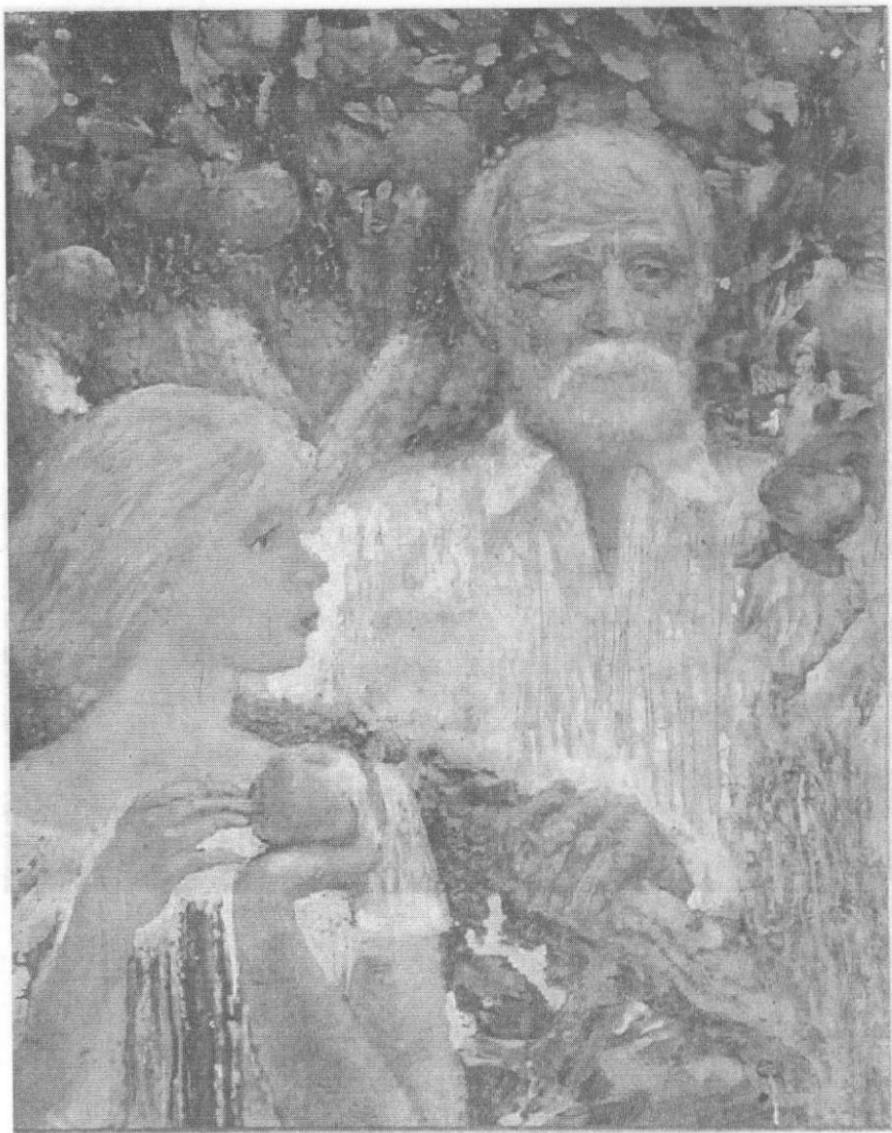

БЕРЕГ МОРЯ

УТРО

Был я вчера в Марийской
БАЭ ИНДИУГИЯ.
И с этой местечко
Только в душах, там
будут мне ушиблы
Мчады, а там Амвилы.

ДЕДУШКИН САД

Родился на Черниговщине, в Семеновском районе. В Новозыбкове работал на заводе «Индуктор». Одновременно сотрудничал с редакцией газеты «Маяк», состоял в ее литературном объединении «Колос». Его сюжеты, статьи, стихи и проза хорошо знакомы читателям. За свои публикации отмечен дипломом общественного конкурса «Серебряный колокольчик». В стихах остается приверженцем нравственного начала в человеке, проявления в нем доброты и сострадания.

СТАДО

Густая пыль. И запах молока.
А солнце рогом катится к зениту.
Несут большие гарбузы-бока –
Торопится домой коровье стадо.

За ним спешу, бывало, в пастухах,
И замирало сердце от волненья.
Вставал я, сонный, с криком петуха,
А на ногах была уже деревня.

Давно свою мы Марту отвели,
Но не забыть ее коровы слезы.
На бойню на машине увезли,
Так просто здесь решаются вопросы.

Торопится домой коровье стадо
И долго смотрит за калитку мама.

ДОРОГА

Памяти матери

А за окном потемнело.
Мама, ты просишь у Бога,
Чтобы в святую неделю
Легкой была дорога.

Сколько же раз исхожена
Годами – километрами.
В куртке своей поношенной
Буду скандалить с ветрами.

И сквозь метель пробиваться,
Только б хватило силы.
Будут мне улыбаться
Мчащие мимо машины.

МАЛИНОВ ОСТРОВ

Иду монашеской тропой,
Как за судьбою.
Шатры дубов над головой
Кружат весною.
Сирень и ландыши горят,
Пьянят любовью,
Камней осколки говорят
Слезою, болью.
Здесь был когда-то монастырь,
Все было свято.
Теперь – давно уже пустырь,
Церковь распята.
Разграблено до кирпича
В тридцаты годы,
Громили, как и кулака,
И храм природы.
И вот добрались до могил
Юнцы-вандалы.
И кто таких-то породил
В наш век двадцатый?
Иду монашеской тропой
Меж вечных сосен.
Звон ветра, как колоколов –
Малинов остров

ОТЦУ

Запах талого снега,
Словно нежной тоски,
И полошется небо
В половодье весны.
Оборвались надежды,
Почернела вода.
Крыги вздулись, как вены,
На душе чернота.
Хоронили отца
В день красивый, немилый.
Наступала весна
И у края могилы.

РОЩА

Поредел чуб с ее головы,
Расчесал ветер на землю косы...
Так слышны, так тревожны шаги
Далеко по березовой роще.

Чувства высветят ту красоту,
Как любви дорогое свиданье.
Еще летом веселым живу,
А дышу той осенней печалью.

ОСЕНЬ

Простуженный, унылый,
Глядит на поле лес,
Где скирды свои спины
Все тянут до небес.
А дождь опять в работе,
Летит последний лист.
Так в будничной заботе
И пролетает жизнь.
От осени до лета,
Как от тепла и спез,
Там годы наши где-то.
А ты чего не ждешь?

ДОЖДЬ

Мутные облака плывут,
А дождь печально барабанит.
Но никогда он не обманет,
В нем капельки души живут.

* * *

Валил снег,
Заметая тревоги.
Через сердце
Кладу дорогу,
Счастья след!

ЯБЛОНЬКА

Нашлась бездущная рука,
Блеснул топор злодейски,
Упала на землю фата
У яблоньки – невесты.

ЧАЩА

Устал от пустозвонной суеты.
Им высота – копеечное счастье.
Спешу, где первозданность красоты, –
В любимую за речкой чащу.
И здесь меня подстерегает боль,
Недавно с белкой я игрался в прятки –
Там трактор, будто танк, прошел
И завалил березу на лопатки.
Уже в печи слезливая сосна,
Олешняка, как спичек, навалили,
А на лугу растерзана земля,
И до реки рыданья доходили.
А завтра замахнутся, лес, в тебя:
Кому-то план горит на древесину.
Проснись ты, человечья доброта,
Не делай с жизнью лунную картину!

РАЗДУМЬЕ

Раскрыты гнезда на ветру,
Теплом забыты.
Гляжу в осенью глубину
С печалью слитой,
Где откровенная краса,
Как на ладони.
О чем усталые глаза
Полны тревоги,
Как скоротечен жизни бег,
А мы не боги.
Вот скоро загуляет снег,
И год – в сугробы.

ОХОТА

Она испуганно летела
В болото грязное воды,
И задрожало ее тело
От неизбежности беды.

Глазами ужаса глядела
То на людей, то на стволы.
Им до нее какое дело?
Бросали жадно рюкзаки.

Раздался выстрел. Пошатнулась
И покернела неба даль.
В последнем вздохе содрогнулась,
И утонула чудо-лань.

ДОМ

Давно без дела дымоход
Стоит заледенелый,
Никто в дому том не живет,
Забыты окна, двери.
Не отзовутся у крыльца,
Трубу, как плачет, слышно.
Вот в городе теперь семья,
А дом стоит, как лишний.
А по весне засветит сад
Такою силой жизни,
Что сердце просится назад,
Откуда родом вышел!

РАЗДУМЬЕ

До пят весь выстуженный лес
Мудрее на год и печальней,
И бледно-желтый тихий свет
Горит, как кольца обручальны.

Гляжу, свою листая жизнь,
Ay! Где спрятались вы, годы?
И падает последний лист
Красой озябшее под ноги.

ЛОСИНАЯ ПРОГУЛКА

Лось впереди. Она за ним.
Так весело шагали
По лугу, что травой пьянил
И обливал лучами.
Завороженный я стоял,
С души долой ненастье!
Вот также каждый понимал
Свое земное счастье.

Волшебный вечер кружева стелил,
А ночью вербу бурей обломило.
И клен, как друг, рукою обхватил
И тихо держит силой молчаливой.
Ветвями не пошелохнув, стоит,
Сжав губы от нежданной этой боли,
И горестно в ее глаза глядит,
Как будто это собственное горе.

Людская зависть – духота,
И я страдаю, корчуясь болью.
Уйду, где блещет красота,
Где буду я самим собою.

Где небо, поле и цветы – * * *
Вот лепка чувств, незлая маска.
На тонком стебельке травы
Кузнечик светится от счастья!

ПЕРРОНЫ

Перроны не умолкнут никогда!
Вот в ночь сонливую убегает поезд,
И чья-то женская влюбленная рука
Печально машет на знакомый голос.
Все дальше рельсов перезвон,
А сердце бьется жарче, жарче.
Но как забыть тебя, перрон,
Где смех и слезы. Счастье!

СТАНЦИЯ

Занемел, застыл перрон,
Сонно глядя, как спешат прохожие.
Ласково, по-детски смотрят звезды
Приоткрыв краснеющий свой рот.

Прошелтал по елям ветерок,
Дрогнул лист веснушчатой берескы.
Вдруг прорезал тишину гудок
На ночной стоянке тепловоза.

СТРОКОЮ ЛЮБВИ

Ушла без имени, без адреса Любовь!
Без права на повторную надежду,
И как тогда летят дождинки вновь,
Слепят глаза бесхитростно и нежно.

* * *

Просто так убежала
От меня, от себя куда-то,
Как по лесенке каблучками
Простучала
Светлой песенкой навсегда ты.
Убежала, как тень сомненья.
Отчего же теперь волненье?

* * *

А в ночь ту журавли летели,
И разрывал крик облака.
А мы куда-то вдаль глядели.
О чем мы думали тогда?
О том, что скоро быть метели.

* * *

Осенний лес стеной стоял,
Глядел задумчиво и грустно,
И ветерок мне вальс играл,
И закружились в танце чувство.

По листвам дробно бил октябрь,
Но нипочем уже ненастье!
Я так от серости устал,
И пил глотками это счастье.

* * *

День догорает как свеча,
Я прячу сумерки в ладони,
А ты глядишь из-за плеча
Улыбкой тайною Мадонны.

Загадка вечная любви,
Портрет судьбою так задуман,
И расплываются черты
Под полночным абажуром.

В КОМНАТЕ

Нет роскоши большой и блеска,
И улыбаешься мне ты,
Моя замужняя невеста.

А в нашей комнате тепло,
Такое тихое согласье,
И занавешено окно,
Чтоб зависть не спугнула счастье.

А в нашей комнате любовь.
Она не прячется за стенкой,
Не объясняется рублем.
Да что пишу я все об этом?

БЕРЕГА

А берега уснувшие
В глазах сердитой ночи.
И волны-непоседы
Спешат куда-то очень.
Качнувшись тихо пристани,
В сон укачив на палубе,
Уходят волны быстрые,
Встревожив что-то в памяти.

МОРЕ

Моря привычное дело-
Мускульный бой волны.
Бьется соленая пена
В берег, как нерв груди.
Вечно ты неспокойно,
Даже в улыбке дня.
Море – поэзии слово –
Бьется, в душе горя.

ГОЛОЛЕД

Под ногами скользкий лед,
Дождь досадно все хлещет.
Будто год впереди поворот,
Впереди километры и вечность.
Все труднее идти вперед,
Все опаснее шаг до цели.
Не разбиться б о гололед,
О свои обнаженные нервы.

Надежда ЩИПАКИНА

Родилась в Брянске. Закончила филологический факультет НГПИ, работает учителем в Новозыбковской гимназии. Одновременно руководит хорошо известным в городе творческим коллективом школьников – клубом «Легас». Отмечалась общественностью за свою творческую деятельность. В ее стихах – отголоски классического наследия и былинные темы уживаются с современным звучанием. Голос ее поэзии глубок и пребелью требователен к себе.

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА ДЮРЕРА

Виденье? Истина? Химера?
Иль Апокалипсиса чад?
Четыре всадника Дюрера
Устало беспощадно мчат
Вперед. Над любой разрушенья
Как-то невидимо легки
Благославляют обреченье
Две чистых ангельских руки.
Так должно? И под звук аллюра
Молитвой разомкнет уста.
И сумасшедшая гравюра
Вдруг станет радостно приста:
То неземное отреченье,
Тот жест, как найденная мысль,
Исполнен тайного значенья
Благословения на жизнь.

А.Дюрер. Четыре всадника.

Помолюсь у храма за Русь,
Где гуляет толпа и шумят воронье,
И колечку – все подаянье мое –
Наклонюсь, положу в чью-то шапку у ног.
Нищий скажет в ответ: «Да хранит тебя
Бог,
Не остынет душа у того, кто дает».

Ой ты, Русь, развеселье гусли и сон
Богатырский. Не слышишь, родимая, звон
С колоколен, не звон – заклинания, стон
Всех прошедших эпох, всех ушедших
времен.

Словно нищенка, ты уж не видишь давно
Этот храм и себя – только то, что дано
Подаянием в грязную шапку у ног.
Да хранит ли тебя, ненаглядная, Бог?

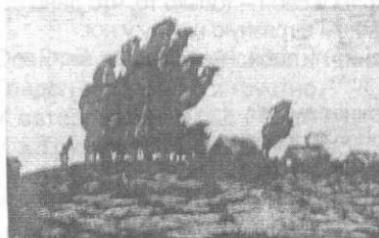
Не остынет душа?
Что полегче спроси.
Сохрани и спаси.
Сохрани и спаси.

Поверьями дышат родимые грустные
долы,
Гудят над землею в набат голубые ветра,
И черные тучи, как полчища диких
монголов,
В каком-то шаманстве, безумно и дико
веселом,
Над милой отчизной колдуют и пляшут
с утра.
Но чистым порывом, как радостью тихою
всех,
Теплом и надеждой легко окрыляя своюю,
Трепещет огонь одинокого в поле костра.

О, если начат день с печали,
Как тайно счастлива душа!
Как сладостно в себе круша
Нагроможденье вер и правил,
И глупых пламенных речей,
Она готова стать ничьей,
Как облако в оконной раме
Над миром скорбно пролететь
И в небе Истину узреть.

* * *

Какая тихая досада
Коснулась лба сплека и губ!
Какая откровенность взгляда!
А я стою в углу и лгу
Молчаньем, жестом, невниманьем,
Непониманием того,
Что было только обещаньем
Или предчувствием его,
Что было радостью неясной,
Готовой плыть из-под ресниц...
Но дальше не было страниц
В той книге, кажется, напрасной.

И запах сорванной травы,
И свет листвы,
И вечность хвои –
Во мне живет оно, живое.
И внемлю каждому листку
И каждой ветке.
Так правы
Все эти запахи, расцветки,
Дыханья, шорохи и звуки,
Деревьев сомкнутые руки!
Не сокрушить, не сокрушить –
Живет!
И стоит, стоит жить!

Несовременно и сентиментально
Цветет жасмин, к дороге прислоняясь,
Уже предчувствуя исход летальный
В несвежести пейзажа городского,
Где пыль мертвa и ядовита грязь.

Все в нем предполагает обреченнность
И торжество над вечностью пустой,
Где время бесконечно отвлеченно,
Но каждый миг, что скоростями скован,
Исполнен жизни, нежной и простой.

* * *

Начало есть всему.
Но лучшее из них –
Начало сентября,
Цветов, улыбок, книг.

А если в жизни вам
Однажды повезет
И молодость легко
С началом совпадет,

То дай вам Бог крыла
Любви и теплоты,
Чтоб молодость вела
К урокам доброты,

И теплую ладонь
Поддержки на века,
И трепетный огонь
В глазах ученика,

И чтоб через года
Он тихо повторял:
«Учитель – навсегда
Начало всех начал».

* * *

Шелест внезапных, как тихое ветра касанье,
Ясных, как неба клочок среди толпища туч,
Слов и предчувствий далеких (земномуль?):
«Осанна!»
Сыщен не уху. Негромок, печален, летуч...

Ото всего, что зовется земным тяготеньем,
Не оторваться: так связь непомерно лепка—
Даже прозрачной не бросит на зrimое тени,
Даже не взвесит, поднявшись безвольно рука.

Чей-нибудь взгляд, удивлением не
утоленный,
Возглас: «О Господи!» и недоказанность:
Душу спаси
От суеты, от неверия быть окрыленным,
От всего, что чужим разбрелось по Руси.

Чей-нибудь взгляд остановит, и лишь на
мгновенье
В нем полыхнет, как пожаром, доверчиво
детская синь,
Неподлежа ни слепому забвению, ни
тленью.
Господи! Есть чистота на святой и забитой
Руси.

Вот почему от неясных еще ожиданий
Невероятного, как избавленья от бед,
Кажется легким в грядущем любое
страданье.
Кажется, что и святее страдания нет.

* * *

Все — круг: пространство
Дома, вселенной, города, глуши,
Что тишиною напряженной
Звучит во мне.
Все — вдруг: непостоянство
Мысли,
Которая нетленной,
Но только обожженной
Страданием души
Казалась мне.
Все — миг.
И в том огне
Сгорающего дня
Не разглядеть меня.

* * *

Я свой голос натяну туго,
По стеги пущу песню длинную
Про милого, про родного
То ли сына, то ли друга,
Про старинушку да былинную.

Жаль, что в песнях да в стихах
Все сбываются.
Слов чужих не скажи — опрокинется,
Закачается судьба да замается,
От печали от степной рухнет буйной
головой.
Так что лучше помолчи ты,
былинница.

Я свой голос натяну, как могу.
Зазвенит, запоет тетива.
То ли сыну, то ли другу, то ль врагу
Песню мудрую без слов, только:
«А-а-а!»

В той степи и в том ковыле
Далеко слыхать — никого лишь нет,
Словно я одна на земле
Много тысяч лет, много лет...

* * *

Краски заката на холстине небес —
Все дано. Наслаждаясь живи.
Вот земля, бороздою горбата,
Вот трава, а за полем — лес.
Вот душа, а над нею бес
Шепчет ласково, кудревато,
Дышит в ухо: легко, мол, живи,
Не проси, если нет, любви —
За нее непосильная плата
Жизнь — всего лишь воды стакан
Для отвергнувших муку и скуку.
Наслаждайся, не верь в чудеса:
Будешь в каждом мгновении прав...
Отчего же закат так кровав,
Так бездонно грустны небеса?

Валентина БАСОВА

Валентина Михайловна Басова родилась на Урале. Жила в Белоруссии. С журналистской работой познакомилась в Рославле, в редакции местной газеты. С Новозыбковом давно связана ее судьба – дом, семья, дети. В литературной жизни далеко не новичок. Состояла участником творческого объединения «Колос» при газете «Маяк». В настоящее время руководит литературной секцией клуба «Зыбчане». Работая косметологом, часто встречается с людьми. Им и посвящено большинство ее рассказов.

ОЖИДАНИЕ

Рассказ

Сергунька сидел напротив дома на бревнах. Зажав голыми коленками длинную ивовую ветку, старательно обстругивал ее ножичком. Со стороны казалось, что мальчишка занят важным делом и ничего больше его не интересует. Но это только со стороны. В душе Сергуньки ожидание, беспокойство и надежда сменялись ежесекундно. Заходящее солнце немилосердно жгло и без того черные ноги, слепило глаза. Можно было уйти в тень, но оттуда не видно конца улицы со старым дубом, пшеничного поля, а главное – машины, которую он с таким нетерпением ждал оттуда.

Сергунька вздохнул, отложил остроганную ветку, сбросил с колен скользкую на срезе кору и пригладил торчащий на макушке белобрысый вихор. За этот вечный вихор дядя Леня ласково звал его Ёжиком.

Как ни напряженно всматривался Сергунька вдаль, не заметил, как юркая машина, за рулем которой сидел дядя Леня, остановилась позади него, и знакомый голос позвал его.

– А я тебя от поля жду! – И без того большие глаза мальчишки раскрылись от удивления. – Ты откуда? Я уж думал, ты забыл...

– Уговор был к четырем, раньше не управился. Вот еще на дальние фермы съездить надо.

Сергунька подался к машине, ухватился обеими руками за дверцу и так умоляюще взглянул на дядю Леню, что у того не хватило сил отказать:

– Ладно, залезай, а перед твоей мамкой мы как-нибудь оправдаемся.

Сергунька просиял. Мигом обежав машину, забрался на сиденье. Они миновали раскидистый дуб, пшеничное поле, пересекли по деревянному мосту неглубокую, заросшую по берегам речушку и выскочили на просторный луг, на дальнем конце которого стояли фермы.

– А что это, Ёжик, у тебя сегодня рубаха такая чистая? – прервав долгое молчание, хитро спросил дядя Леня.

Сергунька оторвался от окна, разгладил на груди простенькую ситцевую рубашонку:

– Так мамка ту вчера постирала. – Он улыбнулся светло и доверчиво, и от этой бесхитростной улыбки у Леонида потеплело на душе. Он представил, как мать стягивала с сонного сына грязную рубашку, ласково обнимая обмякшее тельце, как целовала с легкой грустью непокорный вихор, и вздохнул:

– Хорошая у тебя мамка, Ёжик!

Сергунька обрадовано придвинулся к нему, недоверчиво заглянул в глаза.

- Она тебе взаправду нравится? Взаправду? Не врешь?

- Не вру! – твердо и серьезно ответил дядя Леня.

И Сергунька не выдержал. Он так давно об этом мечтал, боялся про свою мечту сказать даже бабушке – вдруг сглазит. И сейчас сердечко его затрепетало от близкого счастья, а вдруг...

- Выйди за мою мамку взамуж! А?.. – Заикаясь от волнения, Сергунька двумя руками ухватился за плечо дяди Лени. - Она хорошая... знаешь какие она щи варит... Я папку хочу!..

Сергунька заплакал. Леонид от неожиданности круто повернул руль, и машина резко вильнула в сторону. Приглушив мотор, он повернулся к мальчику. Этот не по годам серьезный и сосредоточенный малыш поражал его недетской грустью в голубых глазенках и какой-то неистовой верностью в дружбе. Он мог часами ждать своего друга, не сходя с места, соглашался на любые трудные поездки, лишь бы быть вместе. Об их дружбе говорила вся деревня, и мама Ёжика всегда знала, где искать сына.

Леонид притянул мальчика к себе, уткнулся носом в непокорный вихор, вдохнул знакомый запах. Что ему сказать? Как объяснить, что другая женщина не дает ему покоя, снится по ночам, держит возле себя как привязанного. Если б можно было жениться на желанной, и чтоб жил с ними Ёжик, он бы ничего большего не хотел. Но это невозможно.

Сергунька освободился от объятий. Уже почувствовав чутким сердечком, о чем думает дядя Леня, горестно вздохнул и, будто провинившись в чем-то, отодвинулся, опустил голову.

- Я знаю, ты с Танькой Малашенко водишься, - сказал Сергунька то, что было известно всей деревне. – Она красивая... Но ты же сам сказал, что моя мамка добрая... а меня Танька не любит...

Это была истинная правда. Татьяна всегда сердилась, если он приезжал с мальчиком. И вместо ласкового Ёжик звала его Серегой, бесцеремонно стаскивала с сиденья и приказывала:

- А ну, малышня, домой!

Но обижало Сергуньку совсем не это. При ней дядя Леня становился чужим и недоступным. Его вниманием полностью овладевала эта женщина с дерзкими глазами и копной золотистых выьющихся волос. Смеялась она много и громко и вообще вела себя как хозяйка. В такие минуты Сергунька очень жалел свою мать, постоянно занятую, вечно повязанную беленьким платочком, он не мог вспомнить, какие у нее волосы.

Все это сейчас припомнилось Сергуньке, и мечта его, казалось, такая близкая, так и осталась мечтой. Дядя Леня положил руки на худенькие плечи мальчика. Сколько раз эти руки подбрасывали его высоко в небо, умывали из речки, кормили на полевом стане, носили спящего домой. Это были надежные руки, и Сергунька схватил их, сжал детскими ладошками:

- Дядя Леня, мамка все твои рубахи выстирает... Не женись на Таньке... она злая... собаку палкой бьет. Собака привязанная, а она бьет!.. Она тебя не

любит!... – последние слова Сергунька выкрикнул почти с отчаянием, уже ни на что не надеялся.

Он и не предполагал, насколько был прав. Сомнения, одолевающие Леонида последние время, в устах ребенка прозвучали самой горькой правдой. Леонид понимал, что Татьяна не любила его. Красивая и избалованная вниманием, она не знала, что такое любовь, не испытывала ни к кому это прекрасное чувство. Ей нравилось появляться с Леонидом в клубе, видеть зависть подруг, слышать возбужденный шепот за спиной:

– Глянь-ка, главный инженер совсем голову потерял! – и чувствовать себя королевой.

Вот с любовью к Леониду было сложнее. Она мечтала о таком муже, чтобы у всех дух захватило. А Леонид был свой, деревенский, вечно за рулем своего козлика, пропыленный, солицем меченый, в сапогах и простой кепке. Нет, это не король для королевы.

Леонид вздохнул и, берясь за руль, сказал убежденно:

– Ничего, Ёжик, мы с тобой во всем разберемся и что-нибудь придумаем.

Сергунька согласно и безнадежно кивнул головой.

Весь вечер они мотались на безотказном вездеходе по фермам и отделениям. Под конец Сергунька притомился и задремал. Возле небольшого домика, уютно спрятавшегося в зарослях сирени и вишняка, Леонид коротко просигналил. Тотчас во дворе зажегся свет, и на крыльце показалась молодая женщина. Увидев Леонида с Сергунькой на руках, заторопилась. Принимая полусонного сына, смущенно улыбнулась:

– И охота вам возиться с ним!

Сергунька по привычке хотел было обнять ее и положить голову на теплое плечо, но, вдруг вспомнив что-то, обернулся на дядю Леню. Тот стоял возле машины в свете фар и улыбался. Мальчик быстро сдернулся с матери платок, ожидая увидеть локоны не хуже, чем у Татьяны. Но к его удивлению и разочарованию на спину матери упали тяжелые косы, и на землю посыпались шпильки.

– Ой, сынок!.. – засмеялась женщина и, опустив мальчика на землю, принялась собирать в траве заколки.

Леонид с радостью поспешил им на помощь. Они лазили в темноте, тихонько смеялись, и Сергунька трогал дядю Леню и мать за руки, как бы соединяя их, связывая вместе. И был счастлив.

Уже давно ушел маленький друг со своей мамой домой, и в их окнах погас свет, а Леонид все сидел в темной машине и думал. Ему вспоминались роскошные косы и прохладные руки, что невзначай касались его больших загрубевших пальцев, огромные, грустные, как у Сергуньки, глаза и ласковая улыбка молодой женщины. Он не представлял, как дальше сложится его судьба, но твердо был уверен: что-то изменится в его жизни, что-то произойдет хорошее. Об этом ему сказали глаза Ёжика, нужно только немножко подождать.

МЕРА ДОБРА

Рассказ

Собака была маленькая, кучехвостая, с висячими ушами и шерстью неопределенной окраски. Она бежала вслед за своей хозяйкой, толстой и некрасивой женщиной, нагруженной двумя сумками. Собака то забегала вперед, оглядываясь преданно и заискивающе, то отставала и тщательно обнюхивала все на своем пути. Прохожие не обращали на нее никакого внимания – так незаметно проскакивала она между чужих ног, а женщина досадливо отпихивала ее и зло покрикивала:

- Пощта, дармоедка!

Собака взвизгивала, привычно зализывала ушибленное место и, чуть отстав, бежала следом. Хозяйка вошла в магазин, дверь за ней глухо захлопнулась, обдав собачонку теплым, волнующим запахом хлеба. Она покорно села возле ступенек и с готовностью вскакивала каждый раз, когда кто-то выходил, в надежде, что, увидев ее голодные глаза, кто-нибудь скажется и не пожалеет теплую корочку. Но никому не было дела до облезлой дворняжки. Толстая женщина вышла с сумкой, доверху набитой батонами, сдобы, пряниками. Собака подскочила к ней, с жадностью обнюхивая сумку, поскучивая жалобно и просияще. Но женщина не замечала ничего, занятая своими мыслями. На остановке долго ждали автобуса. Собаке надоело сидеть возле хозяйственных ног, да и хлебный дух раздражал до колик в животе. Сначала она несмело, а потом все более решительно стала обследовать ближайшие углы и закоулки. Возле урны она приостановилась и принюхалась. Оттуда едва слышно тянуло вкусно и дразняще. Стыдливо оглянувшись, собачка привстала и заглянула внутрь. Там, далеко внизу, на самом дне лежал засохший кусочек пончика. Представив, какой он мягкий и поджаристый, она облизнулась и попыталась запрыгнуть наверх, но не сумела и с огорчением отошла от недоступного лакомства.

- Мама, песик кушать хочет, - вдруг раздался детский голосок. – Можно дать ей хлеба?

Услышав знакомое слово, от которого закружилась голова, собака быстро повернулась на голос и посмотрела на девочку долгим ласковым взглядом, задышала часто-часто в ожидании. Девочка протянула ей большой кусок булки, от которой пахло так сильно и сладко, что собака на миг задохнулась. Еще не веря в чудо, нерешительно подошла поближе, но голод подтолкнул, и она, рванувшись, выхватила булку из рук ребенка. Съев ее в три приема и почти не почувствовав вкуса, вернулась и, осмевшись, лизнула ребенку руку. Девочка засмеялась.

- Мама, она мне спасибо сказала!

Малышка присела возле песика, погладила по висячим ушам.

- Голодный, маленький! Как тебя зовут? Хочешь еще? Тебя, наверное, не кормят!

Хозяйка собаки, до этого равнодушно стоявшая рядом, и не замечавшая, казалось, ни девочки, ни собаки, при последних словах подскочила как ужаленная:

-Пошла отсюда, проклятая!.. Тварь ненасытная! Не кормят... как же! Утром целую миску супа сожрала и как в прорву... Легче свинью прокормить, хоть польза!.. – Она замахнулась на пса.

Собака обиженно отскочила. Девочка удивленно оглянулась на женщину, с жалостью перевела взгляд на собаку. Та сидела поодаль, грустно глядя на хозяйку, и в ее глазах затаилась почти человеческая обида. Взрослые, невольные свидетели несправедливости, возмущались:

- Сытая собака по помойкам не лазит. Да и тощая она для прорвы. Не кормите, гражданка!

Понимая, что речь идет о ней, и еще не зная исхода этого разговора, собака на всякий случай заняла оборонительную позицию и лишь нетерпеливо перебирала передними лапами, готовая одинаково быстро бежать на зов или удирать от возможного наказания.

Девочка протянула руку к собаке и ласково позвала:

- Пёсик! Собачка, иди ко мне!

Услышав в голосе ребенка доброжелательные нотки, собака задрожала от волнения – ей хотелось ласки и участия – все это было в ее позе от морды до кущего хвоста. Но она боялась ошибиться и потому нерешительно переступала. Девочка погладила ее, повернулась к матери.

- Давай возьмем ее домой!

Мать отрицательно покачала головой.

- Ну, почему, мама? Она такая хорошая!

С собачьей точки зрения, девочка несомненно была другом, но не хозяйкой, и пес вопросительно оглянулся на толстую женщину. Та неожиданно согласилась:

- Забери, милая, забери. Собачка умная, добрая и ест мало.

- По целой миске! – съехидничал рядом стоящий мужчина.

Но женщина не поняла иронии, с готовностью возразила:

- Нет, что вы, совсем мало ест!

Все засмеялись.

Будто понимая, в чем дело, собака конфузливо отвернулась, медленно поднялась и побрела прочь. Напрасно девочка звала ее, уговаривала, она даже не оглянулась.

- Даже псу стыдно за вас! – укоризненно сказала мама девочки, – животные умнее нас и добре.

Толстая женщина посмотрела вслед собаке, и в лице у нее что-то изменилось. Может, открылась в сердце дверца для добра.

А если нет?

Май ВЛАДИМИРСКИЙ

С детских лет живет в Новозыбкове. Являлся членом известного в городе литературного объединения «Колос», сыгравшего значительную роль в становлении молодого поэта. За издание в 1998 году авторского сборника «Страна любви» удостоен общественной премии «Серебряный колокольчик». В его творчестве, как может быть ни у кого из других местных авторов, прослеживается боль сопреживания за происходящее вокруг.

* * *

Чем дальше в жизнь,
Тем дальше в даль,
Тем неясней дорога.
Зачем живешь,
Что сердцу жаль
И отчего тревога?
И почему друзья твои
Уходят и уходят –
В былое, в память,
просто в дни,
Которые проходят?

* * *

Листаю прошлое. Листаю,
И, как во сне, я там летаю.
Как птица, вольно я лечу
Туда, куда душой хочу.
Вот дом. Вот сад. За ним овраг –
Там был всегда, всегда был враг.
И я, сбегая в низ оврага,
Кричал, и палка, словно шпага,
В моих руках была тогда...
Но нет оврага. Нет меня.
Листаю прошлое. Листаю
И, как во сне, я там летаю.
Как птица, вольно я лечу
Туда, куда душой хочу.

* * *

Как трудно говорить слова любви,
Когда идет война между людьми,
Когда звучат слова о геноциде,
Слова утрат о дочери, о сыне,
Когда меж туч неясность так ясна,
Что жизнь твоя – война, война,
война,
Что долгий дождь не просто дрожь
небес,
А слово божье, и сейчас, и здесь.

* * *

Память спит в соседней комнате,
А ее начало здесь –
Вот на этом старом кителе
Боевая блещет медь.
Подойду, рукой дотронусь я,
И звенит она, звенит.
И теперь уж мне припомнится,
Как дедуля говорит:
«Подрастешь – не будешь маленьким –
Все поймешь и без меня,
Лишь запомни, как я старенький,
На парад водил тебя...»
В день Победы это было,
В самый светлый день Земли.
Солнце майское светило
И сады цвели, цвели.

* * *

Мне приснилась война -
Снова кровь на снегу,
И малышка одна,
Ее крик на бегу.

И разрывы гранат,
И чернеющий след
От земли, что летит
В этот жуткий момент.

Это все. Это все
Снится мне каждый раз,
Про былое мое
Продолжая рассказ.

О Россия! О Русь!
Колыбель ты моя.
За тебя я дерусь
Слез своих не тая.

* * *

О времена. О нравы...
Опять вы все не правы.
Опять вы все лукавы
О времена. О нравы.
Вы говорите, словно
Все это так условно,
А я шепчу: не правы
О времена. О нравы...
Вся эта бесконечность
И есть, наверно, вечность.

* * *

Болит душа. Душа страдает.
Едва дыша, она мечтает
Взлететь над бытом, суетой
И быть хоть битой, но живой.
Мечтает... Но осенний лист
Уже слетает сверху вниз.

* * *

Я крикну не в крик,
А в полголоса строк,
Чтобы голос проник
В ту траву - колосок,
Что питает жнинье
Под дождями судьбы,
Чтоб вершить бытие
Средь земной суеты.
И останется мне
Лишь немнога еще -
Не угаснуть в огне
И простить забытье.

* * *

Был дождь. Я шел
Без шляпы и зонта
Вперед, туда,
Куда звала душа,
Туда, где верилось,
Что все иное там...
Был дождь. Я шел
По мукам и мечтам.
Но дождь прошел,
Как все переменилось!
Был дождь,
Иль это мне приснилось?

* * *

Гаснет ночь воспоминаний,
Громких слов и восклицаний.
Гаснет ночь, и белый свет
На вопрос дает ответ:
Все проходит. Даже боль,
И любовь, любовь, любовь.

* * *

Я помню первую любовь,
Я не забыл ее начало.
Тогда мелодия звучала –
Без слов, про первую любовь.

Теперь, когда прошли года,
Когда не знаем, где мы оба,
Я говорю: любовь до гроба,
Но жизнь – бегущая волна.

Я помню первую любовь,
Я не забыл ее начало.
Тогда мелодия звучала –
Без слов, про первую любовь.

* * *

Все о тебе. Вновь о тебе
Я думаю, сгорая,
Что ты живешь в моей душе,
Такая молодая
Затем лишь, чтобы помнил я
С течением дней разлуки,
Что я люблю одну тебя,
Твой стан, глаза и руки.
Прости за поздние слова,
Прости меня. Лишь время
Мне помогло понять тебя,
О прошлом не жалея.

* * *

Слеза упала на струну,
Слеза упала и запела
Про ту несчастную судьбу,
Которой вовсе не хотела.
Слеза упала с глаз долой,
И звук души моей раздался...
О жизнь натянутой струной
Слезой своей я прикасался.

СОНЕТ

Нам не дано с тобою расставанье,
И долгие нам встречи не даны.
Мы вечное с тобою ожиданье,
Мы вроде вместе, вместе... и одни.

Летящий снег, тебе я рад.
Ведь жизни бег есть путь утрат.
Лишь ты, летящий с высоты,
Теряешь высь, а не мечты.

Когда приходишь ты, я угасаю,
Когда же я взмываю в небеса,
Тебя я с небосвода прогоняю,
И это жизни время – чудеса.

Наш путь с тобой - служение простое:
Сменять друг друга, говоря о том,
Что наступило время, и иного
Не может быть в движении земном.

Да, мы с тобой разлучены судьбою.
Ты – Солнце, а меня зовут Луною.

Упала чашка расписная,
Та, что подарена тобой.
Упала б чашка, но другая –
Не так бы мучился виной.

Не так бы ползал по паркету,
Не так осколки б собирал,
А взял бы веник и с налету
В совок без жалости сметал.

Разбилась чашка дорогая
На горе, видно, на беду.
Разбилась. Только бы другая,
Не так бы чувствовал вину.

Я весь уйду с остатками былого
За грань – черту небытия,
Уйду... Ты ж полюби другого
И вычеркни из памяти меня.

Освободи себя от этой муки,
И, забывая сердцем навсегда,
Ты протяни навстречу жизни руки,
Уйдя в свои грядущие года.

Пусть будет в них веселье жизни биться
И радость счастья будет, и любви,
И никогда мой образ не приснится,
Так что читай стихи мои... и рви.

Я весь уйду с остатками былого.
За грань – черту небытия.
Уйду... Ты ж полюби другого
И вычеркни из памяти меня.

БУКЕТ

Букет осенних листьев
Вношу к себе я в дом
И радуюсь я мыслям
Как жалко будет в нем.

Как будет в нем осенне
Звучать душа моя,
Когда в стихотворенье
Я напишу слова:

Букет осенних листьев
Вношу к себе я в дом
И радуюсь я мыслям
Как жалко будет в нем.

* * *

Я все пою. Я все еще пою.
И балагурю я, и говорю...
Вот отчего приятен этот стих
Тому, кто боль своей любви постиг.
Я все живу. Я все еще живу.
И не во сне живу, а наяву.
Вот отчего приятна тень мне дня –
Ведь не от дерева она, а от меня.

* * *

Моя измятая душа
Живет едва, едва дыша.
Мои измятые стихи
На пол некрашеный легли.
И все измятое мое
На годы камнем так легло,
Что иногда, крича в ночи,
Я говорю душе: «Молчи».
Я говорю стихам: «Умрите,
В душе моей себя сожгите».
Кричу я Богу, небесам,
Что умереть готов и сам.

* * *

Свеча дорогает,
Проходят года.
Цыганка гадает:
«Беда... не беда...».
Словами дорога,
Снега без пурги.
Тоска и тревога,
Что ждет впереди?
Тумана ль рассветы,
Усталость души,
Поклоны ль, приветы,
Иль в вечность - стихи?

* * *

Идут дожди,
И под дождями люди
Спешат, спешат,
Как некогда и я,
Не понимая,
Что давно их судьбы
Расписаны на древе бытия.

* * *

Как часто у порога
Я, вдруг остановясь,
Подумаю: «Дорога
Моя оборвалась.»

Ведь что в моем жилище –
Земная пустота,
Сплошное пепелище,
Сплошная мятая.

Но тут же, рядом с мыслью,
Ты понимаешь враз,
Что не духовной высью
Наполнен ты сейчас.

Ведь просто в этом доме
Тебя никто не ждет,
И ты от этой боли
Себе все лжешь и лжешь.

Как часто у порога
Я, вдруг остановясь,
Подумаю: «Дорога
Моя оборвалась».

* * *

Я вспоминаю. В пламени свечи
Бегут года – все прожитые дни.
Я не гоню их прочь и не смеюсь
над ними.
Они пришли в мой дом, какими были.

Они пришли все разом, не таясь,
Неся в себе и радости, и грязь.
Все то, что было в жизни, на пути
Они с собой сегодня принесли.

И я, стоящий в пламени свечи,
Прошу у Бога: «Ты меня прости.
Не прокляни, что иногда порой
Кривил я сердцем, разумом, душой.

Что иногда я забывал тебя,
Не относясь, как должно, не любя».
Я вспоминаю. В пламени свечи
Бегут года – все прожитые дни.

Александр КОЛМАКОВ

Родился в Новозыбкове. Работал журналистом в газетах «Станкостроитель» и «Юго-Запад». Стихи начал писать еще за школьной партой. Состоял в литобъединении «Колос». Один из первых участников клуба «Зъбчане». В настоящее время проживает в с. Глинищево Брянского района. Сотрудничает с газетами «Десница» и «Деснянская правда». Лауреат литературной премии «Десница» за 2000 год.

* * *

Когда мы перестанем нагло врать
И воровство излечим, как недуги,
Не сможем воевать и убивать,
В своем враге увидим только друга,

Когда ошибки мы исправим все,
И злые языки молчать заставим,
Из душ корысть изгоним насовсем
За самые далекие заставы.

Когда забыв о подлости и зле,
Кошмары, страхи победим
бесстрашьем,
Вино и хлеб расставим на столе -
Примите, люди, угощенье наше.

Когда отведав кровь и плоть
Христа,
Мы от неверья обратимся к вере,
Вдруг осознаем: истина проста,
И не объять ее, и не измерить.

Когда долги все прошлые простим,
Затупим топоры, забудем казни,
Посадим сад и будет он цвети -
Наш долгожданный, наш
любимый праздник...

Тогда мечты появятся из снов,
Осуществимы нашими делами.
И самая высокая любовь
Огромной птицей воспарит
над нами..

СНЫ

Во сне полеты наши так редки.
Мы спим и видим сны, увы, не часто.
А на земле болеем от тоски
И по крупицам собираем счастье.

Его мы ждем - оно все не идет.
И вот однажды, ветrenoю ночью
В отчаянный, стремительный полет,
Ты чувствуешь, душа сорваться хочет.

Ах, наши сны прекрасны, как мечты,
Загадочны они, покрыты тайной.
Мы наяву боимся высоты -
Отважной стаей мы во сне летаем.

Раскинув руки, над землей парим,
Весь мир обнять не раз уже пытались.
Такие сны не часто видим мы.
Сны эти в нашей жизни не сбывались.

И нам не страшно каплей вниз упасть,
Снежинкою в метели закружиться.
Во сне полеты - просто наша страсть,
Лишь стоит распахнуть окно, решиться.

Свое же «я» суметь преодолеть,
И даже если в сны не веришь, все же
От мира оттолкнуться и взлететь,
Хотя бы раз, наверно, каждый должен.

Почувствовать покой в самом себе,
И обрести сознание иное,
И накормить голодных голубей,
И птиц из клеток выпустить весною.

СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ души

*Памяти погибших в Ханкале
20 августа 2002г. посвящается*
Упал вертолет, вот,
Последний рейс совершив.
Но продолжают полет
Сто двадцать четыре души.

Оставив нам этот мир,
Неправильный и плохой –
Не бог его сотворил,
А люди и мы с тобой.

Не бог оставлял народ
Всегда, во все времена.
И в том, что упал вертолет,
Есть наша с тобой вина.

Есть наша с тобою жизнь,
Бездействие и беда.
Задумайся, оглянись
На прожитые года,

Прошедшие среди войн,
Пожаров, смертей и обид,
Виновны и мы с тобой,
А кто же себя винит?

Предательство здесь живет,
Уже много тысяч лет,
И в том, что упал вертолет,
Виновных, сказали, нет.

Получит родня гроши,
Что можно купить еще?
Сто двадцать четыре души
Сегодня уже не в счет.

Живем ли мы? Наивнейший вопрос.
Мы существуем, и виновны сами.
И горы горя, и потоки слез
Воздвигнуты и выплаканы нами.

И вот опять жестокая война,
И счета нет бомбеккам, взрывам,
ранам.

Забыли мы – земля на всех одна,
Но почему не помним мы о главном?

Погибших нам уже не воскресить,
Засыплем и воронки, и траншеи.
Настанет час прощение просить,
И вынуть из петли худую шею.

И оглянуться. Вот он, тот же мир:
Днем греет солнце, ночью звезды
светят.
Он создал нас, но изменились мы,
Живя тысячелетья на планете.

Не потому ль из глубины веков,
Доносится до нас не смех, а стоны.
Мы слышим их в отчаянье ветров,
Срывающих крыши, и погоны

С усталых плеч жестокою рукой.
Судьба ли это или наважденье?
Сегодня мы идем в неравный бой,
Чтоб защитить свои же убежденья.

Перегорит, останется зола
И пепел, распыленный над полями,
Но мы живем, пока живут дела,
Во славу жизни начатые нами!

ИЮНЬСКОЕ УТРО

Как нынче птицы весело поют,
Встречая солнце в утренней прохладе!
Блестит роса и впереди, и сзади,
Она умыла Родину мою.

Теперь Россия чище и светлей,
Лишь кое-где побелена туманом.
Она живет, залечивает раны,
И ей поет сегодня соловей.

И улыбаться хочется с утра,
Жить с верою, что будет все чудесно.
И солнце, и туман, и эта песня,
И утренняя, дивная пора!

СТРИЖИ

Рассекают воздух стрижи
И проносятся стайкой кричащею.
Только время куда-то спешит,
Быстро, не по-настоящему.

Вечереет, уже зажглись,
Вдалеке огни, словно звезды.
В свои гнезда летят стрижи,
Показалось мне, что-то поздно.

Или много мошек вокруг,
Или просто азарт полета.
Я стрижка летящего вдруг
Сравнил с маленьким самолетом.

Вот такой бесстрашный пилот,
Здесь их - целая эскадрилья
Завтра снова уйдет в полет,
Распрямив пернатые крылья.

Даль небесная так чиста,
Нет препятствий и нет запретов.
Мне стрижком захотелось стать,
Я представил на миг все это.

* * *

Былую вспомни, ветер, тишину,
Когда однажды ночью, пролетая,
Кричащая, простуженная стая
Вдруг погрузилась в неба глубину,

В неведомые дали путь держа.
Нам не понятно их души стремленье.
Но точно так, совсем без сожаленья,
От тела отделяется душа.

Невидимыми крыльями взмахнет,
Пытаясь птиц догнать, но почему-то
У всех свои проложены маршруты,
Полет, паденье, снова новый взлет:

Им передышки нету на пути,
И, улетая в бесконечность ночи,
Они пути не ищут покороче.
Ты не держи их, ветер, пропусти.

Прислушиваемся к птичим голосам.
Что это - радость, грусть или страданье,
Неведомого мира ожиданье?
Об этом часто думаю я сам.

Нам есть что вспомнить и к кому прийти.
У каждого маяк, причал иль берег.
Себя однажды обретаем в вере
И говорим: о, Господи, прости.

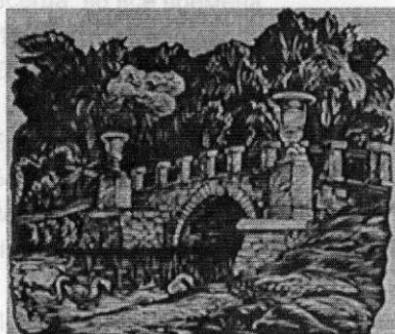
За все, что нами сделано не так,
А по ошибке или по незнанию.
Но в нас живут по-прежнему желанья,
И наших чувств источник не иссяк.

КРАСНЫЙ МОСТ

С тобой с детства знакомы,
Красный мост, добрый день.
Вот шагнул я из дома
В изумрудную тень.

Я потрогал перила,
Их погладил рукой.
Так давно это было,
Только ты все такой.

Где же юность была,
Годы быстро бегут.
Здесь провел, размышляя,
Очень много минут.

Нынче желтые листья,
А дома старого нет.

Лишь художника кисти
Твой напишут портрет.

У легкой зыби вода,
По мосту вновь и вновь

Чья-то ходит мечта,
Чья-то ходит любовь.

Мы как птицы сейчас,
Каждому - свой полет.
И лишь память о нас
На мосту том живет.

* * *

Была в лугах трава сочна вчера,
А нынче лишь осока да колючки.
И комаров пронзительные тучки
Зудят у уха с самого утра.

За лугом лес, у леса озерцо,
Как в зеркале, в нем небо отражалось.
Мне так легко дышалось и мечталось,
И теплый ветерок ласкал лицо.

Березы там шептались у воды,
Краснела земляника на поляне.
И даль тонула в матовом тумане,
Почти сливааясь с облаком седым.

ОСЕНЬ

Падают красные листья -
Капельки крови, ей-богу.
Мне помахал хвостом лисьим
Клен у дороги.

Но изумруды сосен,
Словно большие башни,
Шепчут: приходит осень.
И почему-то страшно.

Лохматое небо нависло
Серым огромным медведем,
Грязь на дорогах скисла,
Ветер ночами бредит.

Чернеют поля наготою,
Робко крадется рассвет.
И кажется мне порою,
Что это на сотни лет.

Дождь, пребывание в сне,
Размеренный ритм и шаг.
Ходить хорошо было мне
С осенью не спеша.

Перегородка
Не мог я расстаться с ней,
А нынче зима на носу.
И стали еще зеленей
Сосны в красном лесу.

Восход как тысячи костров.
Туман как дым небесных труб.
Коснулся ветер влажных губ
И родилась в душе любовь.

Раскрыли чашечки цветы,
Чуть-чуть поежилась река
И два веселых мотылька,
Влюбленные, как я и ты.

О чём-то шепчется камыш
С другим таким же камышом.
А жить легко и хорошо,
Когда любовью дорожишь.

Восход. Раскосые лучи
Облили изумрудный луг.
А ты стоишь и слышишь вдруг,
Как сердце в тишине стучит.

Волненья легкая волна
Едва нахлынула. Потом
Ты ловишь воздух утра ртом,
Бежишь и неба глубина

Тебя нисколько не страшит.
Белобородых облаков
Громады движутся легко.
На них - пристанище души.

Ты оттолкнулся и взлетел
В чудесный мир любви своей.
Еще до зорьки соловей
Для всех влюбленных песни пел.

И снова будем вместе я и ты,
Когда растают льды и все снега.
Пройдет зима, как долгие века,
И наконец-то сбудутся мечты.
И снова будем вместе я и ты.

А по-другому - лучше и не жить,
Кто скажет, что дороги разойдутся?
Что это сон, и стоит лишь проснуться -
И наяву иначе может быть.
Нам по-другому лучше и не жить.

Мы чашу бытия едва отпили,
А кто уверен, что любовь есть грех?
И не поймут, поднимут нас на смех
Те, кто ни разу в жизни не любили.
И что б они про нас ни говорили!

Мы только Богу можем дать отчет,
Ведь божья тварь - святоша или
грешник,
И ураган, и лепесточек нежный,
И наших чувств возвышенный полет.
Мы только Богу можем дать отчет.

Мы чувствуем вращение земли,
Так от восторга голова кружится.
Ты говоришь: «Люблю!», ты смог
решиться,
Ты - победил, другие - не смогли.
И две души плывут, как две ладьи.

И полосы печали смыты все
Из жизни чьей-то доброю рукой.
Плохое где-то очень далеко,
И мы бежим по утренней росе.
Мы отданы друг другу насовсем!

ВСПОМИНАЯ НОВОЗЫБКОВ

Я в свой город приду на заре,
Но когда это будет, не знаю.
Мне представилось вдруг, в
октябре
Я по улицам желтым гуляю,

Где зубчатая кленов листва,
Как из прошлого века сорвалась.
Закружилась чуть-чуть голова,
Или просто мне все показалось.

Прочитаю журнал «Над Карной».
Что там пишет «Маяк»,

интересно?

Я в свой город приеду весной,
А какою весной - неизвестно.

В марте первым ручьем приглынув,
Лед еще на озерах не тает.
И в небес высоту, синеву
Я ворвусь перелетною стаей.

Или в знойный июль как-то раз
Я шагну прямо с поезда просто.
Очень часто скучал я о вас,
Вспоминал, ночью глядя на звезды.

Точно такоже в озерах зеркалах
Отражается звездное небо.
На пяти знаменитых углах,
Боже мой, вечность целую не был!

Ну, а если судьба даст добро,
Я приеду в февральскую стужу.
Оглянусь, а вокруг - серебро;
И метель успокоит мне душу.

Я снежинкою хрупкой лечу,
Заметает поземка мой след.
Я к вам в гости приехать хочу,
Все не выберусь. Времени нет.

ВСЕ ЕЩЕ БУДЕТ...

Все еще будет, все будет, конечно.
Жизнь и любовь, и надежда, и нежность.
Встречи, разлуки, находки, потери,
Будет все так, как мы сами хотели.

Будут полеты и будут паденья,
Будет везенье и невезенье.
И не напрасные будут старанья,
И расставанье, и ожиданье.

Легкие, трудные будут дороги,
Долгие версты, усталые ноги.
Будет отчаянье, будет веселье,
И сберутся друзья в воскресенье.

Ветры подуют, метель листопада,
Все еще будет, все будет когда-то.
Главное верить и жить ожиданьем,
И отличать от прощенья прощанье.

В этом, наверное, смысл жизни нашей,
Все еще будет, хотя бы однажды.
События те, что необходимы,
Только б увидеть и не пройти мимо.

Будет награда нам всем за старанья,
После одышки - второе дыханье.
Будем всегда, каждый день верить

в чудо.
Все еще будет, все еще будет...
Э

Д

Владимир ПЕТРОЧЕНКО

Владимир Викентьевич Петроченко родился в Гомельской области. В 1967 году закончил литературный факультет НГПИ. Жил и работал в Карабчеве, Черняховске, на Украине. С 1976 года проживает в Новозыбкове. Литературным творчеством занимается со студенческих лет. В последние годы изданы три его книги. Готовится к выходу из печати четвертая, отрывок из которой предлагается читателям.

ТЕНЬ ТОПОЛЯ

(Отрывок из романа)

Погода как будто утихомирилась, но в воздухе по-прежнему было промозгло и студено. Шаповаленко усадил Ладыгину в коляску, прикрыл едва ли не до головы прочной кожаной накидкой, и они полетели по дороге, минуя рыхвины и ухабы.

Из-под колес «ИЖ-Юпитера» во все стороны разбрызгивалось месиво, состоящее из гравия, обломков и крошек застарелого асфальта, обильно сдобренного влажным снегом. Но участковый вел свою машину аккуратно, отлично сознавая, что лейтенанту чиститься и сушиться, кроме как дома, будет негде. А когда доберешься до дома?!

Не доехая до поселка, Шаповаленко свернул на узкую гужевую дорожку с глубоко продавленной колеей. Скудные посадки деревьев и прикрытые серым снегом кусты являли собой картину окружающей природы, зябкой, неуютной и угрюмой. Далеко-далеко впереди? куда уходила эта дорожка? У бледного горизонта темной полосой протянулся лес. На подступах к нему виднелось некое строение, и вот уже отчетливее стала видна крутая красная крыша усадьбы, выступающая среди темно-серых обнаженных крон плодовых деревьев... Хутор!

Бывшее владение, быть может, даже родовое поместье каких-то прусских хозяев. Они здесь жили искони, устраивали свой быт добродушно и основательно, передавая его по наследству из рук в руки. Благосостояние зависело от прочности традиций и нерушимого векового уклада. После войны однако здесь стали жить другие люди, с другой психологией и другими традициями.

Новоселам было наплевать на чужие обычаи и законы, началась великая эпоха деградации и умирания всей вековечной хуторской системы. Почти повсеместное пьянство, беззаберность и разгильдяйство новоселов свели на нет практически все достижения прошлого: сады одичали, дороги развалились, колодцы обмелели и заросли тиной, а каменные строения разворовали и разнесли по кирпичику. На месте цветущих когда-то усадеб разросся бурьян высотой почти в два человеческих роста. Этот хутор каким-то образом сохранился, но и ему теперь, наверное, будет конец: хозяйка погибла, наследникам ее все оставшееся, скорее всего, «до лампочки».

Не доехая до массивного дома, огороженного типично русским плетнем, Шаповаленко резко затормозил и остановил мотоцикл прямо среди дороги.

- Вот и приехали...
 - Пустынное место, - проговорил Ладынин, разминая затекшие ноги и бросая взгляд вокруг.
 - Не так и пустынно, как кажется, - сказал участковый.
 - Поселок в километре. Вон дома видны: школа - в полукилометре. Весной, летом и осенью стада пасут, да и по дороге вечно кто-нибудь едет.
- Он подошел к высокому стройному дереву.
- Вот здесь лежала эта старушка.
 - Под этим тополем?
 - Да.
 - И в каком положении?
 - Когда я приехал - вот так: на спине, голова к стволу чуть повернута, на сторону влево...
 - Надо поговорить с лесником.
 - Вряд ли он что-нибудь новое расскажет о ее смерти? Кроме того, что рассказал мне.

Лейтенант пошел вокруг дерева, тщательно вглядываясь в заснеженную землю, то там то здесь виднелась пожухлая прошлогодняя трава, скользкая, желтосерая, насквозь, кажется, пропитанная влагой, как мочало. Круги его становились шире, но ничто абсолютно не привлекало его внимание: окурок, кусок тряпки, листок бумажки, случайный какой-нибудь предмет - ничего этакого, способного прояснить чуть-чуть картину происшедшего, не было. Только несколько собачьих следов, довольно крупных однако, отпечатались на снегу поблизости. Шли они будто с поля и там же пропадали.

- Сюда и собаки забегают? - спросил он скорее машинально, чем с оправданной целью.
- Из поселка, - флегматично заметил участковый. - Их тут прорва.
- Надо с людьми поговорить, - размышлял вслух Ладынин, последний раз бросая взгляды по сторонам. - На хуторе есть кто-нибудь?.. Да и в самой Калиновке, с кем отмечали день рождения...
- Да, конечно, - закивал Шаповаленко. Кто-нибудь что-нибудь да может сказать... Кстати, и в школу можете зайти.
- А в школу зачем?
- Мимо нее она никак не могла пройти... Вдруг кто-либо что-либо и увидел.
- В два часа ночи? - усомнился лейтенант.
- Всякое может быть, сказал участковый, хотя в голосе его не было уверенности. Но если уж разбираться, то надо цепляться за все, что только попадется... По-моему, если говорить откровенно, с пьяных глаз ей что-то померещилось. В таком возрасте если пить, то надо, наверное, и меру знать...
- Ладно, - лейтенант вновь забрался в коляску. - Поехали к хутору, хотя сомневаюсь я, чтобы там что-нибудь прояснилось...

Любовь ФЕДОРОВА

Родилась в Оренбургской области. В наш город приехала из Азербайджана. Уже с первых публикаций на страницах городских газет заявила о себе как поэт необычного, пронизительно-откровенного видения мира. Ее восхищение окружающей жизнью, наполненное впечатлениями и собственными переживаниями, неизменно передается и нам, ее читателям. В стихах вся она сама.

МОЯ РОССИЯ

Россия! Здравствуй, я вернулась
К тебе с повинной головой,
Я до земли твоей коснулась...
И будто стала молодой.

Я много лет к тебе стремилась,
Истосковалась по тебе.
Родная! Сколько ж ты мне снилась
В чужой, песчаной гольтьбе?

Изранена, устала от тревог,
Измучена, но близкая, родная,
Ты принимаешь нас со всех дорог
Без ропота, а только утешая.

Готова всех людей обнять,
Я речь знакомую внимая...
Спасибо, что могла принять,
Поклон тебе, моя родная!

* * *

Как проснусь, погляжу в окно:
Солнце ль светит, иль дождик идет,
Я приму то, что в жизни дано,
Я приму то, что жизнь принесет.

И, возможно, о нем напишу.
И услышит бумаги листок,
Что в сердечке своем я ношу –
То, что близким понять невдомек.

НОСТАЛЬГИЯ

Как хочется по-детски рассмеяться,
Как хочется по-взрослому любить.
Не хочется с друзьями расставаться,
Не удается прошлое забыть.

И настоящее порою затмевая,
И тяжким грузом сердце давит нам,
Всем существом овладевая,
И бьет по нашим же годам.

Мы здесь... На Родине своей.
Что там? – Остались лишь могилы.
Да и не пел там соловей,
А здесь родное, и все мило:

Земля, леса, родные лица,
И церковь куполом блестит.
Ведь прошлое нам только снится,
И настоящее – дарит.

с.8

«ЗЫБЧАНАМ»

О встрече с вами я мечтала
Так долго – много-много лет,
Как жаль, что раньше вас не знала,
Тогда бы не знала столько бед.

Талантливы, милы, прекрасны,
И вам спасибо, что вы есть,
Вы темпераментны и страстны,
Вас украшают ум и честь.

Не скрою, жизнь мне изменила,
И встречей с вами я полна.
Вы светлой радостью пленили,
И выпью я ее до дна.

ОСТРОВ ЛЮБВИ

Ты мой кусочек счастья,
Как остров в океане.
Там нет невзгод, ненастья,
И радость не в обмане.
Там дышится свободно
И спится безмятежно,
И нет ветров холодных,
Нет перекрестков смежных.
Прекрасны там восходы,
Красивые закаты.
Там не считают годы,
Нет грома перекатов.
Там чувствую богиней,
Прекрасной, молодою,
Сверкающей как иней
От счастья пред тобою.

БЕРЕГИТЕ ЛЮБОВЬ

Порой умышленно, порою
невзначай
Друг друга оскорбляем на словах.
Виним же не себя, а лишь тот чай,
Налитый нами в чашки второпях.

Весь день порознь с тобою мы
живем,
Стараемся не встретиться глазами.
И первый шаг не делаем, а ждем
С обидой, злостью и слезами.

И не стыдимся грубыми мы быть,
А нежными нам гордость быть
мешает,
И не дает обиды нам забыть,
Любовь же наша потихоньку тает.

Неправыми мы видим не себя,
Его, ее и тех кто с нами рядом.
И так живем, любовь свою губя,
Ту, что была цветущим садом.

НЕ СУДЬБА

Мне кажется, что я тебя искала,
Когда мне было восемнадцать лет,
Но я тогда еще не знала
Твоих шагов, привычек и примет.

Мне кажется, что я тебя любила,
Когда мне было тридцать лет,
Но не тебя тогда боготворила,
Не на тебе сошелся клином свет.

Знать не судьба нам встретиться
с тобою,
Мой нежный и хороший друг.
Мечты покрылись темной
пеленою,
Надежды нет теперь на «вдруг».

СНЕГ

Какой пушистый тихий снег
Его давно я ожидаю
Остановить бы жизни бег,
Иметь бы то, о чем мечтаю.
Снежинки падают, кружась,
Глаз радуя, а сердце стонет
(Ложатся строчки невплопад),
Белье замоченное тонет.
Что передать я не могу?
Восторг души, сердечный недуг?
Но чем себе я помогу?
Себе я друг, себе и недруг.
Снег, радуя, навеял грусть,
Но я любуюсь снегопадом,
Ведь я живу, дышу, и пусть
Живут страданья со мной рядом.

ОКТЯБРЬ

Очарована, околдovана
Чудной осенью в октябре.
Своим взглядом я прикована
К райским кленам во дворе.

Осень красная и прекрасная,
Не могу свой восторг передать.
А про грусть говорят понапраслину,
Что прекраснее можно нам дать!

Солнце яркое, небо синее
И пожаром вокруг все горит.
Насладиться всем не осилю я,
И душа от восторга парит.

И хочу я быть замурованной
Навсегда в этом райском дворе.
Очарована, околдovана
Чудной осенью в октябре.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Такого утра не могу принять...
Душой окаменелою застыла.
Как можно красоту понять,
В тот миг, когда мне все постыло.

Я не могу осилить торжество:
Деревья сказочно красивы,
Словно рука святого божества
Покрыла серебром поля и нивы.

Как можно жить мне, не любя
Такую прелесть? Ей не отдаваться,
Уйти в себя, себя губя
И красотой земною наслаждаться?!

Побеждена... Прочь страх и скука.
Покорена виденьем чудным я.
Долой печаль, тоска и мука,
Ведь так прекрасна жизнь моя.

ТЫ ИДИ

Ты иди... Без тебя я оттаю,
Свои крылья я вмиг распущу.
Я теперь на тебя не гадаю,
По тебе я почти не грущу.

Я старалась, и Бог в том свидетель.
Я прощала, не помнила зла.
Искрепала свою добродетель
И сгорела, сгорела дотла.

Но поверь, так тебя я любила,
Как писала свой дивный роман,
Но теперь не имею я силы
На надежды свои, твой обман.

УТРО ЗИМНЕЕ

Утро зимнее, утро чистое,
Как прекрасно дыханье твое,
И все сказочно-серебристое,
И от радости сердце поет.

Я хочу, чтоб зима не кончалась,
Не хочу, чтоб бежали ручьи.
Я хочу, чтоб сама догадалась,
Кто прошел и следы эти чьи.

По морозам скучала на юге,
По пушистой и белой зиме,
По тоскующее-плачущей выноге
И по русской родимой земле.

Как прекрасно сияние солнца!
Дам от радости волю слезам,
Выпью утро до самого донца.
Никому, никому не отдам!

Утро зимнее, утро чистое
Обновляюсь дыханьем твоим.
Я теперь сама, как Пречистая,
Одаренная духом святым.

ЗАПОЗДАЛАЯ ЗИМА

Зима не хочет приходить.
Лишь подарив немногого снега,
Весну велит нам не забыть,
Земля полна любви и неги.

Кругом сплошная чернота,
Капель и под ногами слякоть.
В душе такая пустота,
Что хочется рыдать и плакать.

А новый год уж на носу,
Природа с нами шутки шутит.
Что делает мороз в лесу?
Играется и баламутит.

Зима! Приди в своей красе
И расстелись покровом снежным,
И в белом платье на сосне
Явись невестой, чудной, нежной.

И мою душу не томи
Своим приходом запоздалым.
Свой срок, пожалуйста, возьми,
Не откажи в таком мне малом

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ЛЮБОВЬ

Нам Бог дает и разум, и любовь,
Но мы живем, теряя все на свете.
Расстанемся – полюбим вновь,
Но между тем страдают наши дети.

Не лучше ли любовь свою сберечь,
Ведь мы любили же когда-то.
Обиду, злость внутри пресечь,
Душа ведь наша так богата.

Но нет! Расстаться мы спешим
И жить по-новому мечтаем.
Счастливыми мы быть хотим,
Но только как, порой не знаем.

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Весной бывает снег всегда –
Зима сопротивляется весне.
Так будет, есть, и в прошлые года
Все повторялось, как во сне.

Чему сопротивляюсь я всегда?
Сама себе, своей судьбе.
Так будет, есть... и в прошлые года
Жила с судьбой своей в борьбе.

Весна в природе все же побеждает.
Кто победит в моей борьбе?
Смирусь ли, поборю? Кто знает...
Иль брошу вызов я судьбе.

Все временно: и чувства, и порывы,
И сил приливы сменяются тоской.
Мечты, надежды, потом срыва,
А счастье ходит стороной.

А снег идет, как прошлую весною.
Зима сопротивляется всегда.
Судьба смеется надо мною
Так будет, есть, как в прошлые года.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

4

В надежде жизнь моя прошла,
Я ждать хорошего устала.
Боюсь, теперь лишь только мгла
Мою дороженьку устлала.

Устала, мне бы на покой,
Уже свое я отслужила.
От суеты устала от мирской
Мне все, увы, давно постыло.

Лишь взгляд твой добрый –
утешенье, п
В конце тоннеля – слабый свет,
Мое земное притяжение
И осени багряный цвет.

СМИРЕНИЕ

Не получилось... Не судьба
С тобою вместе, рядом быть.
С судьбой излишняя борьба:
Нам по ее законам жить.

В судьбу я верю, как всегда,
До мелочей она решает
Так будет, есть, как в прошлые года
Она творит за нас и знает,

Что нужно ей, увы, не нам
(Планеты правят во Вселенной).
Кому с лихвой, кому не по делам
Отмерит счастья в жизни тленной.

Одна надежда, что потом...
Потом, в загробной жизни вечной
Завалит счастьем, и притом
Блаженство будет бесконечным.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Когда я вспоминаю все невзгоды,
Приходит мысль: как я устала жить.
Как нелегки те годы-непогоды,
Их поскорее хочется забыть.

Но прошлое встает перед глазами,
Под его грузом жизнь влечу.
Как часто умывалась я слезами,
Вздыхаю, таю и молчу.

Груз прошлых лет хочу я сбросить,
С восторгом встретить новый день.
Пусть он меня от прошлого уносит –
Оно всего лишь только тень.

И я ему не дам коснуться
Души моей, ведь ей еще парить.
Всему, что есть, хочу я улыбнуться
И только начинаю жить.

ОТЧАЯНЬЕ

Как в заколдованным лесу
Брожу, и нет конца дорогам.
Отчаянья с мольбой несу,
Конца не видно и тревогам.

То миг надежды промелькнет,
То сменится опять тоскою.
Вдруг лучик света промелькнет,
То вдруг борюсь я с темнотою.

А лес дремуч, и нет конца,
Конца надеждам и тревогам.
Как долго жду того гонца,
Что поведет по правильным
дорогам.

Гонца не будет... и мне суждено
Самой найти пути-дороги,
Испить всю чашу мне дано,
Познать надежды и тревоги.

СТАРАЯ СИРЕНЬ

Я чьей-то музой никогда не стану –
На этот счет уже не обольщусь.
Мечтать об этом перестану,
С судьбой своею соглашусь.

Но и не стану чьей-то тенью,
Точнее, брошу ею быть.
Я, словно старый куст сирени,
Спилить его иль не спилить?...

Но он цветет, хотя не очень
Уже дарит свой аромат,
Несет весну он в свою осень,
Возможно, кто-то ему рад.

Артур ВАГАБОВ

Родился в Новозыбкове. Самый молодой из представленных здесь авторов. Выпускник филологического факультета БГУ этого года. Стихи пишет со школьных лет. Постоянно присутствующая в них лирическая линия не дает повода говорить о тематической односторонности, ибо искренность затронутых чувств и личностных переживаний как раз и есть то, что мы ценим в поэзии. Он постоянный участник литературных подборок «зыбчан» на страницах городской периодики.

* * *

Разве это много,
Все, что есть, отдать:
Нежность, жизнь, дорогу –
Душу не помять?

Разве не забота
Сердце бережет?
Если любит кто-то,
То цветы несет.

Версты, звезды, выюга.
Ночь в окно глядеть.
Разве друг для друга
Можно умереть?

* * *

Я не родился быть поэтом:
Поззия – великий труд,
А я поспешных жду ответов,
И мысли беглые влекут.

Я зачеркнул слова смешные,
Красивые – не срифмовал.
Вчера глаза твои родные
Я наяву поцеловал.

Я зачеркнул года разлуки:
Обиды, жалобы, вокзал –
И твои ласковые руки
К груди, как мамины, прижал.

В небе звездочка горит
Прелестью озерной –
Пусть тебя Господь хранит
Сердцем своим добрым.

Бродит тихо за тобой,
Согревает нежно,
И под сонною луной
Дарит вдруг надежду.

* * *

Я назову тебя любимой,
И ты доверчиво поймешь,
Что жизнь одна, неповторима,
Минуту даже не вернешь.

Привычка сердца – возвращаться
И безрассудочность прощать...
Опять не хочется прощаться,
Объятья молча разнимать.

Прильни к груди моей смелее,
Чтоб я почувствовал весну.
Как без вина легко хмелею
И на руках тебя несу!

Кружат звезды тишию свою
На твоих ресницах,
И в душе живет «люблю»
К доброты страницам.

Замирает ключ небес
От мечты далекой.

Хоровод ночных невест
Кружит одиноко.

Я ни о чем не хлопочу,
Ни в чем не жду награды.
К тебе, любимая, лечу
Через огни и грады.

Наступит день, и облака
Нас приютят в высотах,
Ну, а пока - твоя рука,
Мое тепло, моя забота.

Уязвимей меня не найдешь,
Терпеливей - так вот я, рядом.
Мои слезы в ладони возьмешь
И утишишь вновь нежным взглядом.

Не ищи, не ищи никого:
Мои слезы любить умеют,
По щекам скользят так легко
Но тревожить тебя не смеют.

Не ищи, ведь и я не ищу,
А, пожалуй, сама выбирай.
Двадцать лет миру думу кричу,
Что за жизнь в ней - пока не гадай.

Лучше вспомни наш ласковый дождь,
Ночь, когда я «люблю» вдруг сказал.
Уязвимей меня не найдешь,
А нежнее - открои глаза.

Забудь мой взгляд печальный,
Лица черты простые,
И шепот сердца тайный,
И радости шальные.

Забудь, что молча для тебя
Природа пробуждалась.
Как я молил: храни себя,
Душа чтоб улыбалась.

Забудь далекие моря
На счастья нашего страницах,
Но только помни - ты моя,
Пока Земля кружится.

Каждому сердцу - слезы,
Матери голос нежный,
Стремления и грэзы,
Веселые и надежды.

Каждому сердцу - реки
Особенных желаний,
Радости и утехи
И музыку признаний.

Каждому сердцу - чуткость,
В страхе бурлящую кровь,
Устойчивость и хрупкость,
Верность его и любовь.

ЗАЧЕМ ТЫ ВОТ ТАК?

Зачем ты вот так, будто сердце
крадешь?
Родные не порознь живут.
Других, как меня, может быть,
не поймешь—
Другие тебя не поймут.

Зачем ты вот так, будто завтра
война,
За душу распятую ставишь свечу?
Когда ты со мною - повсюду весна,
И я быть веселым хочу.

Зачем ты вот так? Уезжаешь опять,
Меняешь любовь на придирчивый быт,
Желая остаться, не можешь понять,
Цветы о чем плачут навзрыд.

* * *

Неприметные следы,
Снег едва живой.
Почему сегодня ты
Так нежна со мной?

Ты целуешь горячо
И зовешь родным -
Для меня горишь свечой,
Светом неземным...

Неприметные следы,
Снег едва живой.
Почему сегодня ты
Так нежна со мной?

ЗВЕЗДА

«Когда бы ты звездой во мне сияла»,
Прости, родная, лживый оборот,
Сияешь ведь, и этого не мало
Для той души, которая поет.

Люблю тебя. Любовь моя – соцветье,
Ученым неизвестное еще.
В снах – фея ты. Любимая, ответь
мне,
Зачем жжешь сердце слишком
горячо.

* * *

На тебя цветы глядят с окон,
Дразнит утро памятью-судьбой.
Нелюбимый, твой вчерашний
сокол,
Дверь закрыть не смею за тобой.

* * *

Спасибо вам, о маме кто сказал
Словами немудреными, живыми,
Кто посмотрел в печальные глаза
И вслух подумал: «Звезды плачут
с ними».

Спасибо тем, кто помнит матерей
И в срок им самый верный
письма пишет...
Давно не стало матери моей,
А мне все кажется, что рядом
она дышит.

* * *

Родиться бы птицей,
У птицы ведь тоже
Есть мама родная,
Что жизни дороже.
По лестнице мчаться
И музе служить,
В далеком оставаться,
Но в близком лишь жить.

* * *

Я скажу не по секрету,
Маме ласковой скажу,
Как искал в тебе планету –
Все планеты нахожу.

С целым космосом имею
В день любой прямую связь.
Я твою избрал затею –
Ты земному отдалась.

Много надо ли для счастья
(Жизнь к обманному зовет)?
Душу, теплое участие,
Слезы, преданность, полет.

ДАР ЛЮБВИ

Я тебя так пламенно и нежно,
Трепетно, без памяти люблю.
Ты забота моя и надежда,
Тебе звезды и небо дарю.

И закат дарю тебе вишневый,
Теплой ночи ласковую тишину.
Сок берез и лес сосновый –
Ты слова заветные услышь...

* * *

Опавшие листья, как шепот любви,
К родному всему возвращают.
Целую под небом я губы твои,
И весны мне слезы прощают.

Еще есть на сердце молитва без
слов,
Молитва из слез горько-сладких.
Одна на всю жизнь дорогая
любовь

И миг нашей близости краткий.

* * *

В мгновенье каждом новизны,
С весной, тоской хмельною
Я помнил: мы разлучены,
И пропадал душою.

В мечтах нелепых рисовал,
Искал на перепутьях,
Обожествлял и долго ждал,
Былого не вернуть мне.

Хоть мчусь на быстром скакуне
И не подвластен смерти,
Осознаю умом вполне,
Как далека теперь ты.

И до сих пор тебе молюсь,
Заслышиав дерзкий хохот.
Зову, за жизнь твою боюсь,
Но ты – всего лишь шепот.

* * *

Время – это доктор, друг и врач.
Говорят, со временем пройдет,
Но нелегко тайны доверять
Времени. Оно их украдет.

Дарит время лучшие года –
Не спеши спасибо говорить.
Ты скажи «спасибо» лишь тогда,
Как поможет время их забыть.

Времени подвластно все подряд –
Боль, разлука, радость и любовь.
Дарит, но втройне берет назад,
И пустых не терпит слов.

То летит, то медленно ползет,
Обогнать его не сможешь ты,
До секунды отмеряет счет
Каждой человеческой судьбы.

Проверяет верности слова,
Помогает горести забыть.
Даже беспощадная молва
Вынуждена тихо отступить.

Время прекращает свой отсчет,
Бьет последний миг твоей судьбы,
Сказано все, сделано – и вот
Падают последние цветы.

* * *

Я жить пытался и напрасно
Поступкам даты назначал,
Но ты явилась, и прекрасно
Твой голос в песнях зазвучал.

Так, торопясь преобразиться,
Забыть ненастную пору,
Ты пожелала возвратиться
Со мной к извечному – к добру.

ЛИТГРУППЫ ДОБРЫЕ ДЕЛА

29 апреля 1962 года вышел первый номер газеты «Маяк», обслуживающей ряд районов, а спустя несколько месяцев состоялось собрание поэтов и прозаиков этих населенных пунктов. На нем по предложению члена Союза писателей, представителя областной писательской организации Ильи Швеца собравшиеся доверили мне возглавлять литературную группу, расширившуюся до 30 человек. После активного обсуждения ей дали название «Колос».

До этого занятия литгруппы проходили эпизодически. А начиная с середины 1962 года не было ни единого месяца, когда бы не собирались начинающие авторы, чтобы сообща обсудить поступающие произведения и решать вопрос о возможности их публикации в «Литературной странице» газеты «Маяк», которая выходила регулярно, раз в месяц.

Недолго газета «Маяк» обслуживала другие районы: вскоре они снова стали самостоятельными. В результате число членов литгруппы сократилось почти вдвое. Но литгруппа «Колос», верная установившимся традициям, продолжала в течение ряда лет оставаться в числе лучших на Брянщине.

На очередном занятии литературного объединения «Колос» редакции газеты «Маяк» со своими стихотворениями выступили В. Филонов, М. Воликов, П. Прагин, Н. Руденок, А. Цыбульский, Т. Кравченко, Э. Новиков, А. Макарчиков. С интересом были прослушаны стихотворения бригадира-цветовода швейной фабрики М. Шпаковой, впервые присутствовавшей на занятии. С новым рассказом познакомил автор ряда публикаций строитель В. Меркулов.

В обсуждении творчества местных авторов приняли участие Е. Сизов, А. Эпштейн, Ю. Ефимов и другие члены литературного объединения.

(газета «Маяк» от 24.03.1990г.)

25 февраля 1987 года состоялось отчетно-выборное собрание литгруппы. На нем мне предстояло отчитаться за период 1962-1987 годы. В отчетном докладе я подчеркнул, что самыми активными членами литгруппы являются Валентина Басова, Михаил Воликов, Виктор Филонов, Иван Сторожев, Павел Прагин. Они активно участвуют в обсуждении стихотворений, рассказов и предлагают для обсуждения свои произведения. Теплые слова были сказаны и в адрес литгрупповцев Алексея Краевого, Владимира Олейника, Александры Атрошенко.

Спустя ровно год в газете появилось сообщение под заголовком «Литобъединение». В ней указывалось, что отныне литературная группа «Колос» будет именоваться «Литературным объединением». Как отмечалось далее, это решение обосновали так: «Колос» объединяет поэтов и прозаиков всего Новозыбкова и района.

Я пытался сделать все зависящее от меня, чтобы «Литобъединение» достойно несло свое название. В 1990 году была удовлетворена моя просьба об освобождении от руководства литгруппой – было мне тогда 75 лет. Не помогли увещевания редактора: «С уходом Эпштейна прекратятся и занятия литературного объединения». К великому сожалению, так оно и случилось.

(Из книги «Через годы, через расстояния»).

НОЧЬ ПРОЩАНИЯ

Больше полувека прошло с тех событий, но они так и остались самыми трагическими за всю мою большую жизнь. За эти годы я выросла, училась, любила, вышла замуж, родила детей. Пронеслась война, о которой говорят, что она была самой жестокой из всех войн. Теряла квартиры, вещи и многое другое, но ощущения потери чего-то глобального, всеобъемлющего я никогда не переживала больше, чем в то время, когда мы потеряли отца. Для меня он так и остался навсегда идеалом человека, отца, мужчины. Теперь я, конечно, понимаю, что это не совсем так было, но то впечатление осталось на всю жизнь неизменным.

Жили мы тогда на юге Украины. Родители были родом из тех мест. Это был болгарский район, и основным населением там в то время были исключительно болгары. Говорят, что они переселились из районов Болгарии и Сербии в конце прошлого столетия, но, впрочем, об этом никто ничего толком не знал, не обсуждал. Было такое впечатление, что они всегда тут жили по своим законам, со своими традициями, своим укладом, чем резко отличались от других, и о чем, кстати, в то время мы и не догадывались. Народ был работящий, смиренный, тихий, исполнительный, аккуратный как в работе, так и в быту. Села были большие, расположенные на расстоянии трех-четырех километров друг от друга. До революции они входили в Бердянский уезд, затем в Днепропетровскую область. Культурным же центром наших и других сел была Одесса, где на болгарском языке преподавалось в пединституте, издавалась своя газета, имелся драматический театр. После всех событий, пронесшихся в тридцатые годы, все это было в одночасье ликвидировано и никогда больше не восстановлено. Наш Коларовский район был расформирован, а административный центр был организован в русском большом селе и назван Приморским, вошедшим в Запорожскую область.

У отца в то время была большая родня: пять братьев и одна сестра. К тому времени они все уже были самостоятельными и имели взрослых детей и даже внуков. Кроме отца и матери, нас было две сестры с разницей в возрасте около двух лет. Мне было двенадцать, сестре – четырнадцать.

Родители были в то время людьми образованными. Мама окончила гимназию, затем поступила в университет и готовилась стать учительницей. Отец окончил реальное училище, затем учился в сельскохозяйственном институте в Санкт-Петербурге. Однако он его не окончил. Жестокая судьба распорядилась иначе, по-своему, как собственно и бывает в жизни.

Дом наш был в районном центре, селе Коларовка. Здесь еще была старая, именно, подчеркиваю, старая интеллигенция, сформировавшаяся в то время, когда честь, а следовательно, и честность, чувство долга, обязанность и обязательность были превыше всего. Это были учителя, врачи, аптекарь, бухгалтер. Вечерами по выходным и праздничным дням все собирались семьями у кого-нибудь в доме, пили

чай, читали стихи, играли на рояле, гитаре, скрипке, пели разные песни, романсы. Летними вечерами собирались на площади, сидели под деревьями на скамейках, мужчины играли в кегли, молодежь – в футбол и волейбол, только входившие в то время в моду, иногда ходили в кино и смотрели, в основном, немые фильмы. Но и они нам казались страшно интересными.

Жизнь текла очень тихо, спокойно и уютно. Но эта идиллия скоро кончилась. Началось все это где-то с середины двадцать восьмого года. Папа в то время был председателем райисполкома, мама – учительствовала. Отца вдруг отстранили от должности, мотивируя тем, что он не был членом партии. Перевели его работать в школу учителем.

К этому времени постепенно стала исчезать упомянутая мною старая интеллигенция. Постепенно закрывались учреждения, где они работали, кто-то уехал, кто-то просто пропал.

В двадцать девятом началась коллективизация. Врезалась в память картина выселения так называемых кулаков. На телеги грузились женщины с детьми,бросив туда же тощенькие мешки. Мужчины и подростки грузились в отдельные повозки. Дом запирался на замок представителем власти. Крики, стоны и плач стояли вокруг. Потом все тронулись и скрылись навсегда. Больше о них никто никогда не слышал. Таким образом, в наших селах людей намного поубавилось. Поредели ряды и наших родственников.

Затем появились колхозы. Жители нашего района вошли в них тихо и покорно (надо – так надо!), расставшись со своими любимыми конями, виноградниками, огородами. Началась новая жизнь с конторами, бригадами, «палочками» и черпаками супа из общего котла. Так дожили до тридцать третьего года. Эта дата сама говорит за себя. О ней много сказано и, можно сказать, ничего. Это была кошмарная зима, когда люди умирали на ходу, и некому их было убирать. И снова уменьшилось количество жителей в этих селах. Наших родственников остались единицы.

Шло время. Пережив еще зиму тридцать четвертого, которая унесла еще какое-то количество жертв, хотя и меньше прошлогоднего числа, жизнь, вроде, стала налаживаться. В районе достроили по последнему слову архитектурной моды клуб-кинотеатр, в котором, кроме большого зрительного зала, были комнаты для различных кружков, библиотека, большое фойе. Молодежь бегала туда ежедневно и была до смерти рада и счастлива.

В период этого, описываемого мною времени, к нам иногда по ночам кто-то приходил, постучав в окно. Это вызывали отца. Он уходил до утра, иногда задерживался на несколько дней, на неделю. Затем возвращался усталым, молчаливым, замкнутым. Мы с сестрой просыпались, видели чужих людей в нашем доме. Некоторые почему-то рылись в наших вещах. В то время мы жили очень скромно. Кроме кроватей, стола, стульев и полки со школьными учебниками и тетрадями, у нас почти ничего не было, так что искать-то было негде. Кроме того, в селе все друг друга хорошо знали, знали, тем более, нас, поэтому все это производилось как-то без особых жестокостей, в основном молча. Молча и отца уводили.

Осенью тридцать шестого года из нашего райцентра стали исчезать мужчины. Впервые мы это заметили по своим учителям: исчез наш математик, затем учитель пения, руководитель нашего драмкружка. Последний был уже старик с бородкой клинышком, как бы сошедший со старинных гравюр. Исчезла учительница географии, красавица, высокая, стройная, очень красиво одевавшаяся. Она к нам была недавно прислана из Одессы. Никто нам ничего не объяснял, просто уроки стали вести другие учителя.

Наш отец перестал ходить в школу на работу. Он пока оставался дома, но выезжать никуда не имел права и, как говорили шепотом, лишен был права голоса. Исчезли отцы некоторых наших девочек из класса, в котором я училась. Но все это

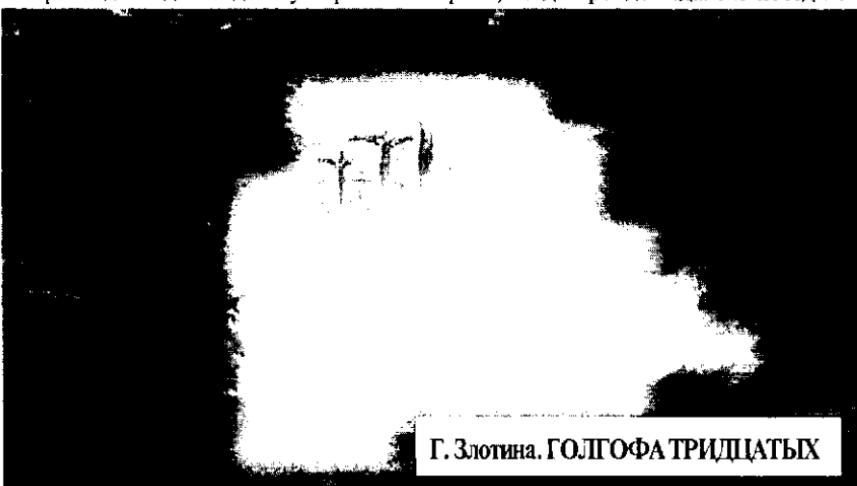
происходило очень тихо, без всяких обсуждений. Кое-кто из учеников переставал посещать уроки и о них говорили: «Куда-то уехали», но куда — никто не знал толком. Так начался достопамятный тридцать седьмой год. Район притих, замерла жизнь в селе. не шумела школа: там уже не было никаких кружков и двери были на запоре. Закрыли библиотеку, кино не стали показывать, так как не работала электростанция в связи с «отъездом» специалиста-механика. В темноте и страхе подошел заключительный тридцать восьмой.

К этому периоду взрослых мужчин в Коларовке почти не осталось. Если вдруг проходил кто-то, то на него смотрели с недоумением. Это, мол, наш житель или кто случайно забрел?

Настал и наш черед. В доме наступила какая-то необычно тянувшаяся тишина. В углу лежал холщовый мешочек с отцовыми походными вещами. Нас перестали навещать подружки, вечно торчащие здесь прежде. Колгались постоянный хохот, шутки, игры. Вся обстановка в доме как бы напряглась. Мы видели, что наши родители по ночам нглядывались через окна в ночную тьму, перешептывались, нервничали, не спали. И вот с вечера седьмого апреля пришли двое в гражданском, хотя мы знали, что они из НКВД, посмотрели обстановку в доме, почти молча постояли и ушли. Видимо, им даже и обыскивать нечего было, все это они не раз видели. На другой день, также вечером, снова пришли, только сказали отцу: «Выйди, поговорим». Он вышел и больше никогда не вернулся. Мы прождали его всю ночь, сбившись вместе в одной кровати, еще не поняв весь трагизм произошедшего, еще надеяясь, что папа утром вернется. Но он уже не пришел.

В девять утра мы пошли к дому отдела НКВД. Нам ответили: «Да, арестован, он враг народа, разберемся, встреча запрещена». Однако нелегально нам разрешили полойти к воротам, так сказать, тюрьмы — небольшого сарая с одним окном, на котором была решетка. Вызвали отца на порог, предупредив, что разговоры запрещены и перелавать уже ничего нельзя. Он нам улыбнулся, жестами показал, что не надо плакать, и передал свою единственную ценную вещь — карманные серебряные часы. И тут же его увели. Больше мы никогда его не видели. На другой день его отправили в днепропетровскую тюрьму.

Дома же начался ад. Мы, как говорят, не ели, не пили. Целыми сутками метались, никуда не выходили, и никто к нам не заходил. Мы все ждали и ждали. Целыми вечерами допоздна сидели у ворот и смотрели, когда пройдет вдалеке поезд из

Г. Злотина. ГОЛГОФА ТРИДЦАТЫХ

Днепропетровска. Нам все казалось, что сегодня-то уж он наверняка приедет, он же ни в чем не виноват: мы же были в этом уверены.

Маму оставили до окончания учебного года в школе работать. Нас же с сестрой тут же исключили из школы. Исключали, как говорят, с треском, на общем собрании, вспомнив, что когда-то на нас видели какие-то бандиты, что мы увлекались буржуазными стихами, словом, как детей врага народа. Высказывались девочки — наши одноклассницы-подружки, выступали от имени комсомола, что мы не достойны быть учениками советской школы. Таким образом мы были отстранены от учебы и коллектива.

Вскоре старшую сестру взяли к себе мамины родственники (папиных к тому времени уже не было в живых). Она уехала вначале в Ростов, затем в Ленинград. Окончила десятилетку, затем и мединститут, потом стала хорошим живописцем, членом Союза художников СССР.

А пока мы с мамой остались одни. В доме стало пусто и неуютно. Света не было, лампу мы не зажигали. Что мы ели, что мы делали — я совершенно теперь не помню. Вечером мы вместе ложились в кровать и без слов плакали все ночи напролет. Не было у нас ни надежд, ни утешения, ни опоры.

Где-то в середине мая несколько наших бывших учительниц, у которых мужья так же были арестованы, собрались ехать в Днепропетровск, везти передачу и что-либо разузнать о своих родных. Посхала и я с ними. Маме схать было нельзя, так как она еще работала. Я же к тому времени была исключена из школы и, следовательно, свободна. Мне врезалось в память огромное кирпичное здание, пятиэтажное, стоящее как-то на пригорке. На окнах решетки. В огромном дворе и на улице стояла вплотную толпа женщин. Они были усталые, голодные. Негде им было присесть, не говоря уже — прилечь, несмотря на то, что стояли здесь все сутками. Время от времени выкрикивали чьи-то фамилии. Женщины стремительно протискивались к окошечку, что-то им объясняли, говорили, что-то брали. Мы простояли в этой толпе более двух суток. К концу третьих нас вызвали и сказали, что пока идет следствие, какие-либо передачи запрещены. Даже не взяли записки. И мы приехали ни с чем. Этим и закончилась попытка нашей связи с отцом навсегда.

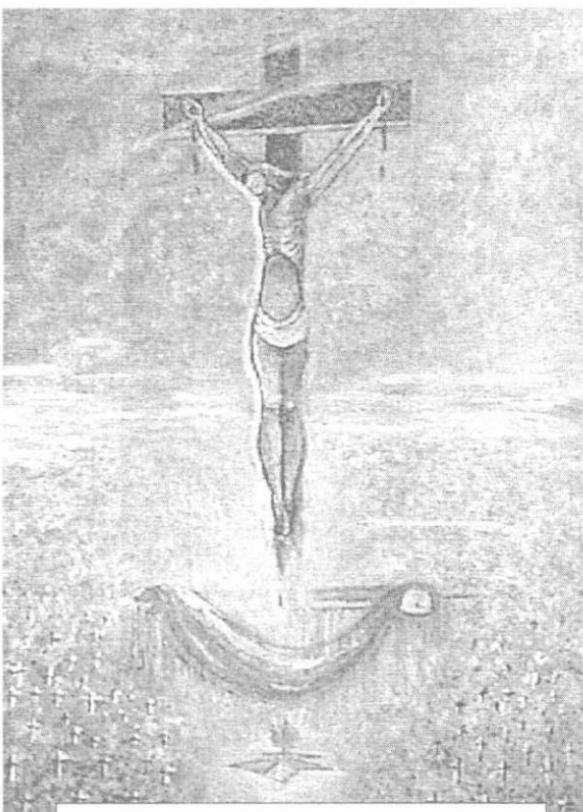
И потом, несколько месяцев спустя, когда мы оттуда уже уехали, через третьих лиц маме передали официальное письмо, в котором сообщалось, что отцу дали десять лет без права переписки. Мы тогда не знали, что это был шифр, означающий приговор к высшей мере наказания.

Его расстреляли 13 октября 1938 года. Он не дожил три недели до своего сорокалетия. Но об этом мы узнали только более полувека спустя.

А далее закончился учебный год. Маму уволили, нам предложили освободить квартиру, так как она была школьной. Да и нам и так тут делать было нечего: ни работы, ни учебы. Пришлось срочно ликвидировать свои пожитки. Был насовсем разорен наш семейный очаг. Взяв с собой самое необходимое, мы уезжали пока в Ростов, к маминым родным, а там, мол, будет видно.

До станции мы шли пешком — всего семь километров. Вечером сели в вагон поезда, следовавшего до Днепропетровска. Темнело. В вагоне зажгли огни. Народу было мало. Я вышла в тамбур, встала перед открытым окном, опершись локтями на раму. За окном плыла теплая, душистая южная ночь. На темном небе сияли огромные звезды. По земле вдоль поезда бежали квадраты освещенных окон, высвечивая траву, деревья молодых посадок, столбы. Стрекотали вовсю кузнечики, цикады. Всё стремительно бежало назад.

И тут я поняла, что вот сейчас, в эти минуты и навсегда я прощаюсь с любимым отцом, с дорогим мне отчим домом, с семьей, со школой, с любимой своей Коларовкой, с прежней жизнью, с так рано ушедшем детством, и ничего уже больше этого не будет никогда... По щекам тихо струились слезы.

Т. Злотина. ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

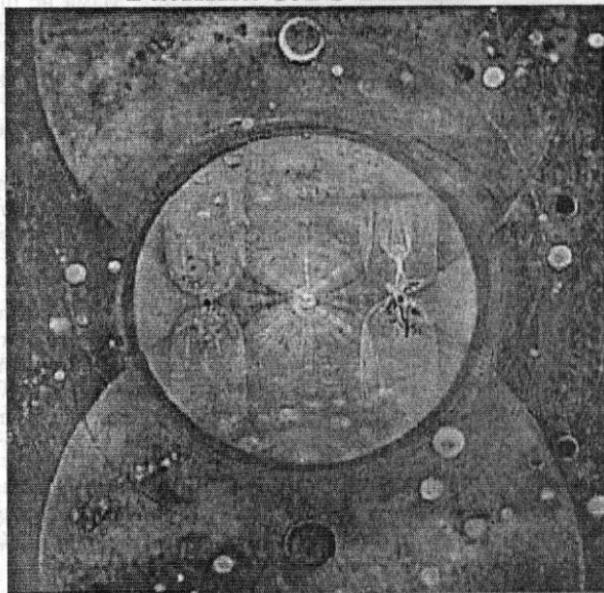
Злотина Галина Дмитриевна (1922 – 2000) родилась в Азербайджане. Окончила Ленинградский сельскохозяйственный институт, защитила кандидатскую диссертацию. С 1982 года проживала в Новозыбкове, куда приехала из Душанбе. До ухода на пенсию работала научным сотрудником Санкт-Петербургского филиала НИИ радиационной гигиены. Была известна как художник-любитель. Выставки ее работ неоднократно проходили в Новозыбкове. Часто экспонировалась вместе с сестрой, членом СХ СССР Валентиной Стоевой (1920-1994), проживавшей в т. Можайске. В творчестве придерживалась направления изотерического символизма. Живописные работы Г. Злотиной в настоящее время хранятся в картинной галерее Можайска, Новозыбковском краеведческом музее, частных коллекциях. Представленные здесь воспоминания, которые можно отнести к жанру документального рассказа, были написаны за несколько месяцев до смерти, и их публикация приурочена к 80-летию со дня рождения автора. Предлагаемая читателям подборка репродукций произведений Г. Злотиной поможет более полно представить образ этой незаурядной женщины, оставившей яркий след в культурной жизни города.

Так я простояла до утра. Уже светлело небо. Мама не приходила ко мне, просидев всю ночь в углу купе. Видимо, ее тоже обуревали чувства прощания со своим уважаемым и горячо любимым мужем, со своей семейной жизнью, с ролью хозяйки дома. Не было сказано нами друг другу ни единого слова.

Вскоре нужно было уже выходить на какой-то станции: там была пересадка. Мы вышли из вагона. Нас охватила утренняя прохлада. Небо розовело, разгорался новый день. Каков он будет, чем он нас встретит?

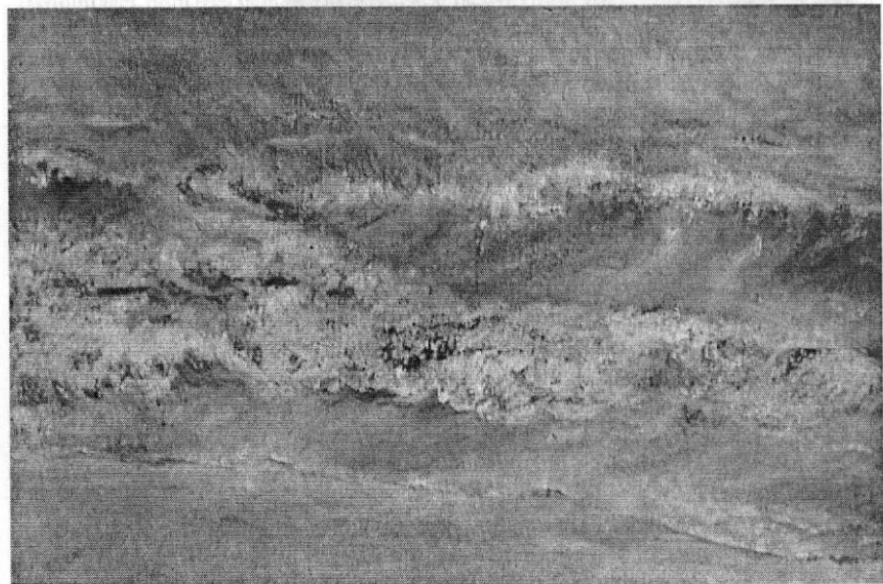
Но было ясно одно: с той прежней жизнью, какая бы она ни была, все кончено навсегда. Мы шагнули в новую жизнь через невосполнимые утраты, через боль, через слезы.

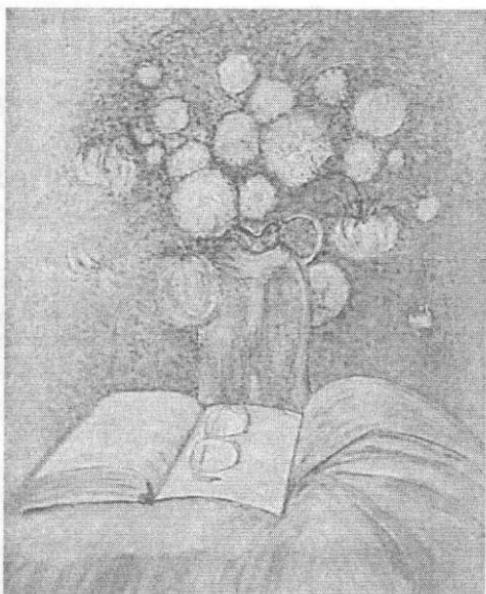
Галина ЗЛОТИНА

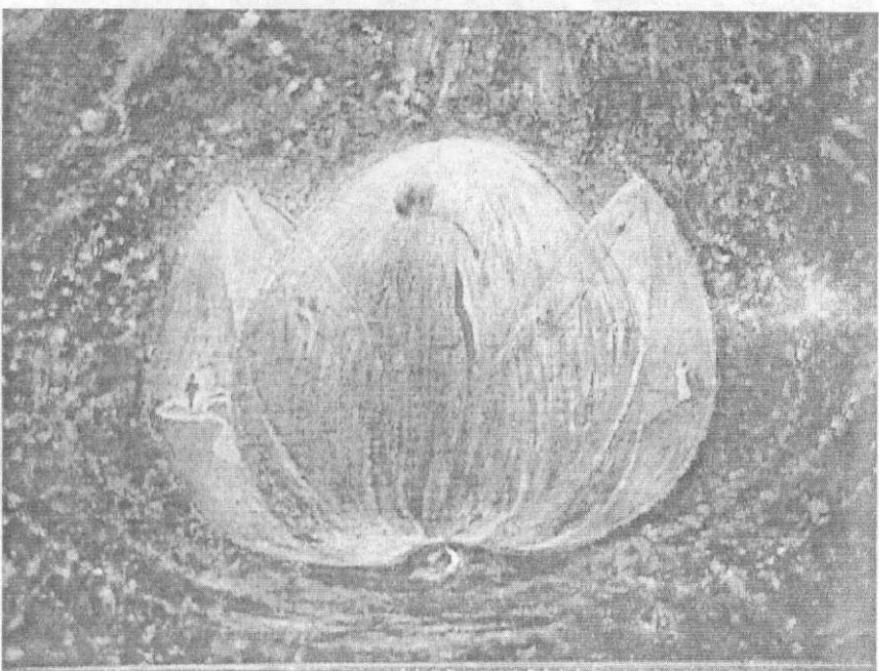
СИМФОНИЯ ВРЕМЕНИ

ВОЛНА

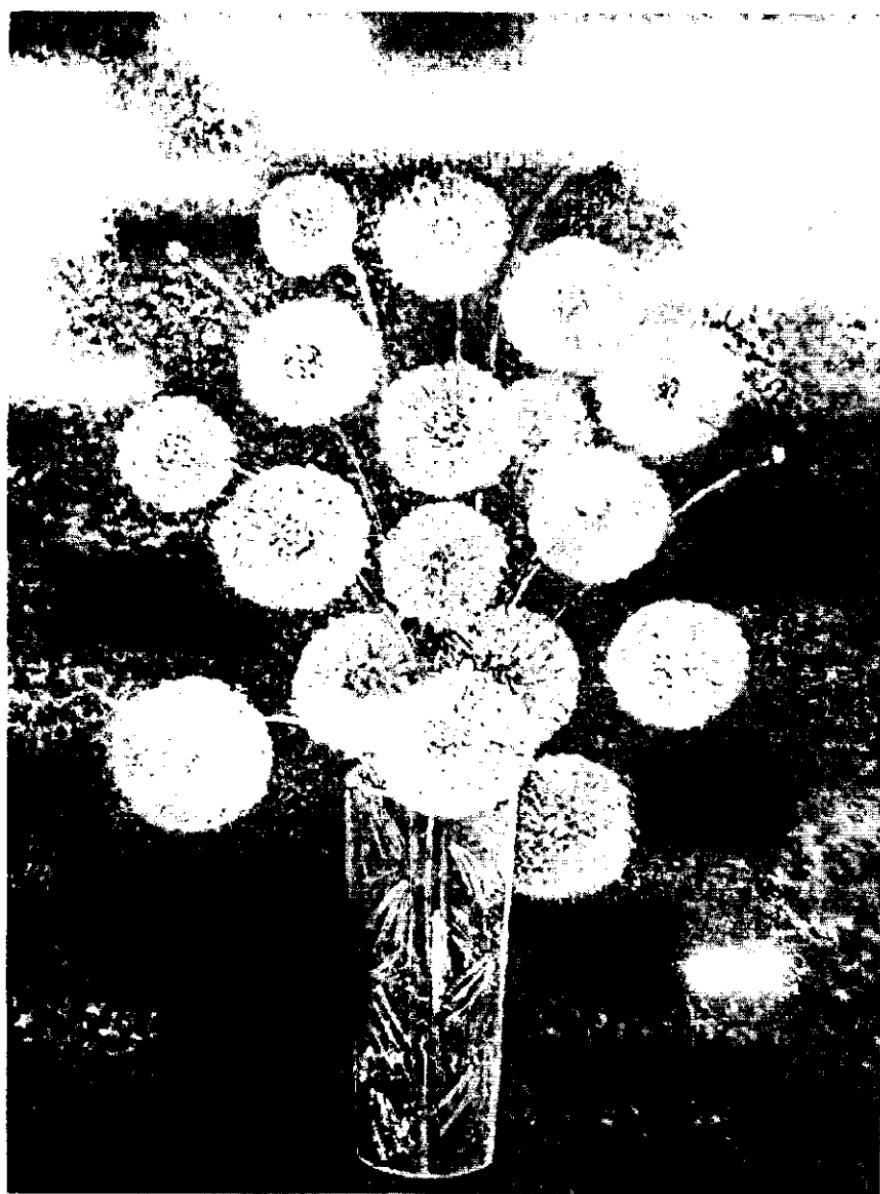
ОСЕННЯЯ ПОРА

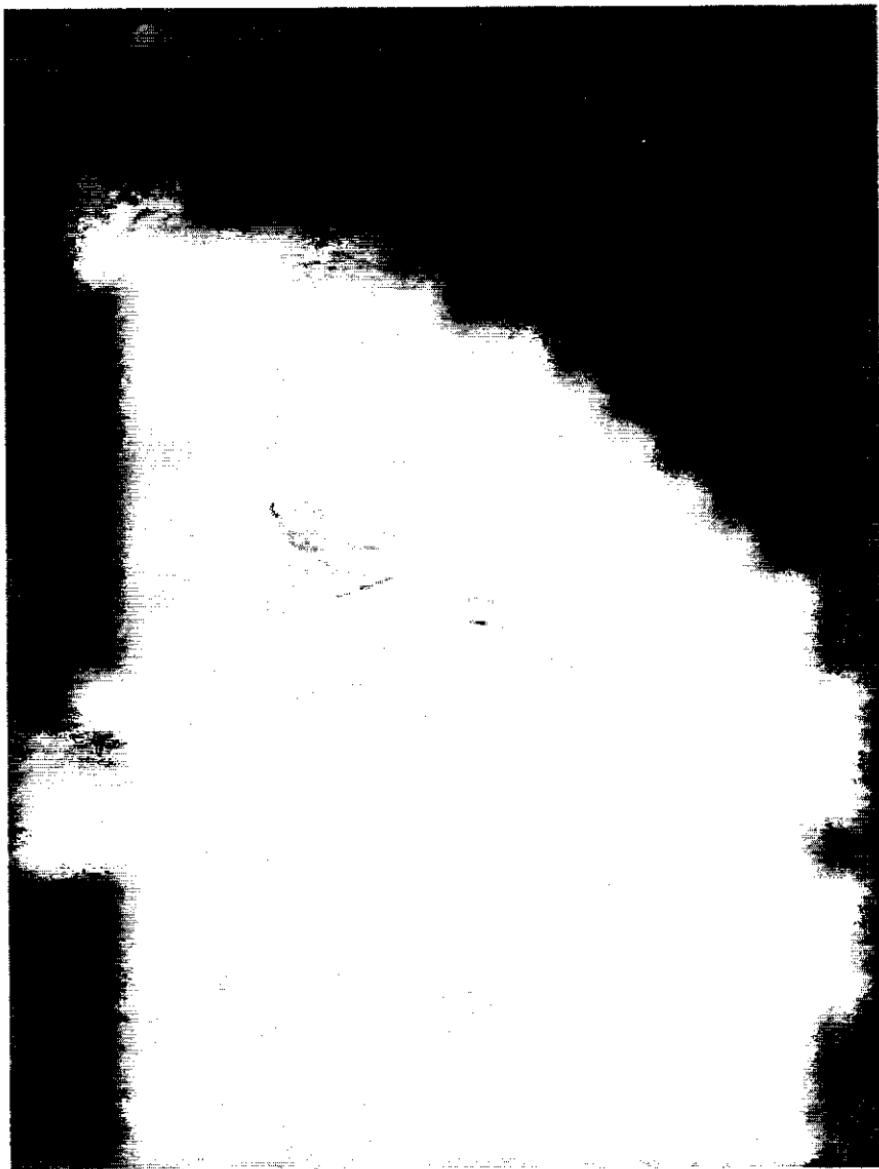
ВОСХОЖДЕНИЕ

АВТОПОРТРЕТ

ОДУВАНЧИКИ

В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям.....	2
<u>Критика и библиография</u>	
К. Попов. Литературный Новозыбков – рубеж веков.....	3
<u>Юбилейные даты</u>	
А. Новицкий. Парадокс (к 80-летию со дня рождения А. Жаренова).....	12
В. Ильин. Слово о поэте (к 85-летию со дня рождения И. Швеца).....	14
Памятное имя – «Колос».....	15
<u>Поэзия и проза</u>	
О наших авторах.....	16
Е. Мосягин. Стихи.....	18
Г. Писаревский. Я был с ними (отрывок из повести).....	23
В. Корытко. Стихи.....	26
А. Радченко. Стихи.....	31
М. Воликов. Стихи.....	43
Н. Щипакина. Стихи.....	47
В. Басова. Ожидание. Мера добра (рассказы).....	50
М. Владимирский. Стихи.....	55
А. Колмаков. Стихи.....	59
В. Петроченко. Тень тополя (отрывок из романа).....	65
Л. Федорова. Стихи.....	67
А. Вагабов. Стихи.....	72
<u>Галерея</u>	79
Иван Юденок.....	36
Галина Злотина.....	82
<u>Мемуары, очерки</u>	
А. Эпштейн. Литтрунцы добрые дела.....	76
Г. Злотина. Ночь прощания.....	77

Библиотека

www.biblio.kz